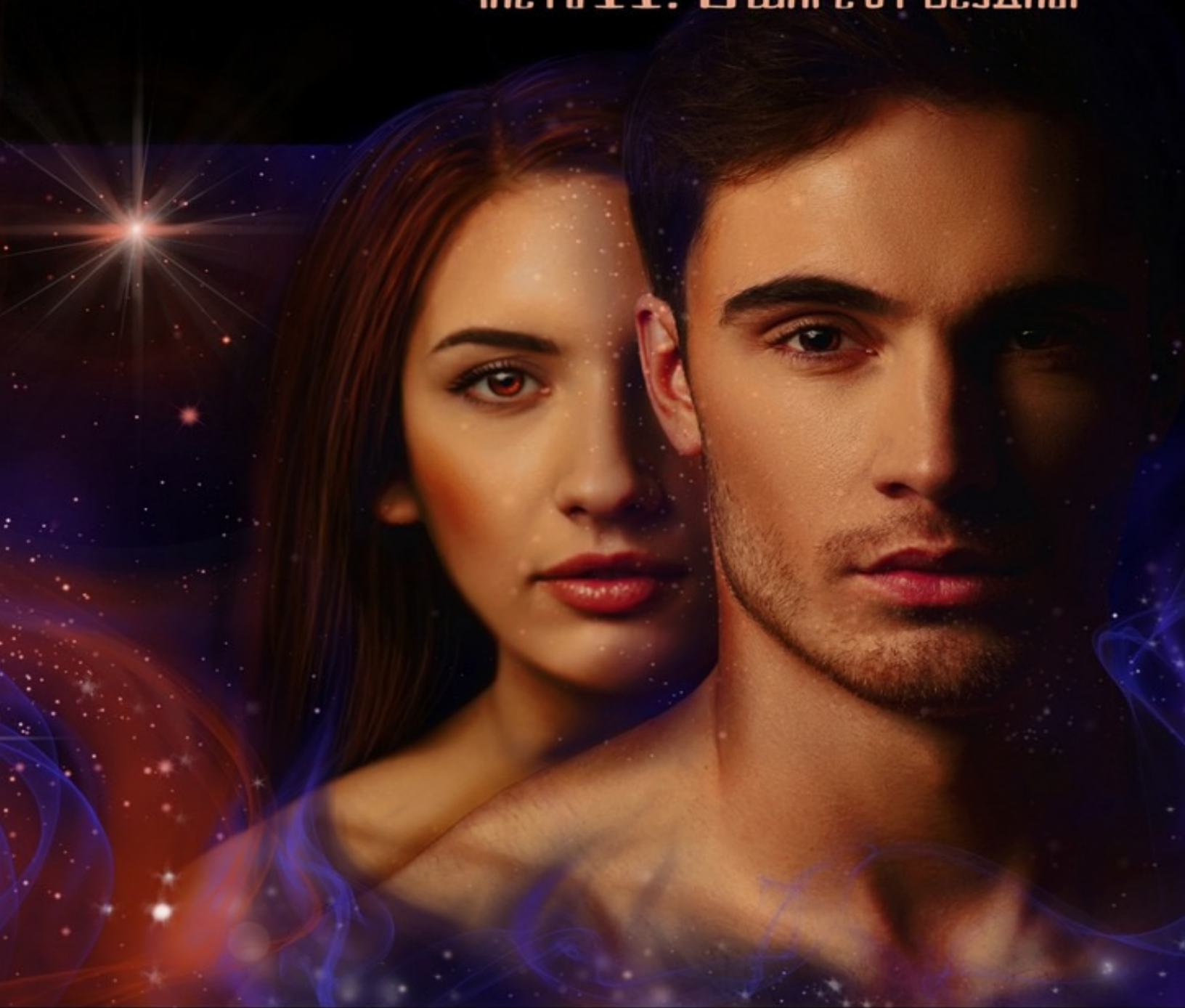

НА ЗАДВОРКАХ ВЕЧНОСТИ

ЧАСТЬ II. ВШАГЕ ОТ БЕЗДНЫ

ГАЛИНА РАЗДЕЛЬНАЯ

Annotation

Двое друзей, бывших военных, возвращаются на планету-столицу межзвездной Республики, чтобы похоронить убитого при необычных обстоятельствах товарища. Ведомые желанием разобраться в смерти друга, оба попадают в эпицентр событий, истоки которых уходят вглубь прошлого, тесно переплетая настоящее и будущее. Сами того не желая, герои становятся заложниками стремительно развивающегося вокруг них опасного сценария, в котором им еще предстоит сыграть главные роли, спасая не только свои жизни, но и судьбу всей республики. Неожиданно, в момент опасности им на выручку приходит загадочная и необычная девушка Кали.

Кочующая чёрная дыра покрывалась прозрачными дуговыми волнами возмущённых всплесков, рвущихся из её недоступных недр и удерживаемых в разы превосходящей их силой гравитации одного из самых сверхмассивных объектов во всех измерениях известных и неизвестных миров. Последнее время прожорливая дыра неплохо питалась, отчего всё больше полнела и прибавляла в весе. Всё чаще неконтролируемо вместе с поглощённой материей она всасывала в себя не только омертвевший мусор разрушенных физических и нефизических структур, но и чистую энергетику миров — сущности тех, кто в них жил, ими управлял, и перепуганные души высших обитателей Вселенных ещё долго пытались вырваться на свободу, не понимая, и не желая понимать, что оказались в рабстве, из которого всё ещё не существовало логических путей побега.

Недавно, минуя очередную Вселенную, дыра задела хвост случайно попавшейся на её пути спиральной галактики, полностью уничтожив более триллиона объектов разного характера. Поглотив за один подход такой объём кипучей живой энергии, она всё ещё не могла переварить сытную трапезу. Пленённые сущности метались в её чреве, постепенно слабея и всё больше уступая над собой контроль. На сей раз этот процесс изрядно затянулся, что немного забавляло и лишь малость расстраивало хозяина чёрной дыры.

— Утомнитесь уже, — шепнул Кочевник.

Его тихий голос металлическим грохотом обхватил всех новых невольников, заставляя тех скукожиться от всеобъемлющего чувства страха и беды. Постепенно необхватное чрево дыры начинало мирно и подавленно стихать. Какое-то время ещё раздавались отчаянные всплески, волнами отражающиеся на границах мрачной тюрьмы. Их становилось всё меньше, и после повторного приказа Кочевника наступила окончательная победная тишина.

Добившись полного, безоговорочного подчинения, Тёмный Кочевник невольно проникся зародившимся в нём подступающим раздражением. Требовалась весомая причина, чтобы заставить его чувствовать подобное недовольство самим собой, и не пленённые им в галактике существа выводили Кочевника из себя, хоть и они сыграли в этом свою мизерную роль.

Задумавшись, Владыка уже видел причину своего первопричинного гнева. Он знал, что никто и ничто (ну разве что только давно сгинувшие в небытие Создатели) не сможет прочесть его мысли, и всё равно не желал об этом думать. Тому была всего одна причина — он слабел, стремительно терял силу с каждым световым часом. Раньше это проявлялось в мелочах, затем — в незначительных проступках и, на первый взгляд, необоснованных неудачах, но Тёмный Кочевник догадывался, к чему всё приведёт. Он попросту не сможет существовать. И пускай сегодняшний пример, когда захваченные им пленники имели дерзость противиться, был лишь сравнительно мелким пустяком, Кочевник понимал — скоро, очень скоро, настанет день, когда ему не выиграть даже подобной битвы.

Сначала, ещё каких-то пару миллионов световых лет назад, такое заключение казалось ему парадоксальным и наигранным. Ведь с каждой поработанной сущностью личные возможности Владыки возрастали. Сейчас же, когда количество невольников стремилось к бесконечности, могущественный, в большинстве своём всеильный, но, к сожалению, не бескрайний разум Великого Архонта всё чаще прорезался предательскими расколами и трещинками. Он уже не мог постоянно контролировать чёрную дыру. Его вместилище

выбивалось из-под установленных для него правил и порой, как случилось недавно, вело себя непредсказуемо: самовольно сбивалось с курса, устраивало тошнотворные танцы энергии внутри себя, поглощало то, что не следовало, и выбрасывало то, что, напротив, имело для Кочевника ценность.

Более Архонт не мог беспрепятственно разгуливать тенью своего сознания во всех уголках миров. Стоило ему покинуть кочующую дыру и отойти на приличное расстояние, как его силы мучительно истощались. Чем дальше Кочевник уводил свою сущность от вместилища — главного источника собственной энергии, — тем беспомощнее становился. Дошло до того, что ему не удавалось не только сохранять прежние возможности в соседних со своей реальностью мирах, но и даже в своём собственном доме. Он более не мог быстро усмирять рабов. Те всё чаще и чаще пытались вырваться, освободиться. Его вместилище буквально распирало, подтащивало от заточённой и подчинённой энергии. Если у его пленников получится пробиться, образовавшиеся джеты — выбросы сжатой плазмы и прочих крупниц разрушенного пространства — пронзят всё на своём пути. Но, что куда сильнее беспокоило Кочевника, это буквально уничтожит его самого. Такая потеря силы отбросит его на одну ступень с существами низших измерений, если и вовсе не убьёт, лишит подлинного бессмертия, неуязвимости перед всеми опасностями мироздания, и подобные перспективы нисколько не улыбались привыкшему к безраздельной и, зачастую, импульсивной власти Владыке.

Тёмный Кочевник развеял дурные мысли, погрузившись во всё чаще посещавшие его далёкие воспоминания. Подумать только, ведь когда-то он и не мечтал о торжестве всевластия и даже не допускал помыслов, в которых он станет подобным ужасом миров. Его путь начинался иначе. Кочевник не был уверен в том, как долго уже тянется эта жизнь, но в памяти его разума сохранились сюжеты зарождения первых фундаментов молодого, ещё не обретшего очертаний мироздания, отчего напрашивался вывод, что было ему практически столько же лет, сколько и существующему порядку, а, может быть, он был немного моложе и своих Создателей. Как бы там ни было, но Кочевник как никто иной мог поведать о вечности.

В отличие от большинства вышестоящих обитателей Вселенных он, как и все представители его немногочисленной расы — Архонтов, ни разу не перерождался. Его вместилище — исключительная кочующая чёрная дыра — была столь же особенна и столь же невообразимо стара, как и он сам. Едва почувствовав самого себя, Тёмный Кочевник начал выполнять заложенные в его сознании функции — он делал то, для чего был создан — наводил порядок, уничтожая и давая возможность появляться чему-то новому. Кочуя между мирами и измерениями, он перемешивал материю, строительный материал, выступал катализатором для будущих Вселенных и никогда ранее не поработал высшие расы. Это было запрещено Создателями. Уничтожая что-либо, Кочевник, не задумываясь, по крупницам отсеивал чистую энергию жизни, чтобы та могла переродиться и ступить на новые пути эволюции разума и души. Так он и поступал, и не одна Вселенная пронеслась перед ним в мучительных рожденьях и благостных, освобождающих дух, смертях. Это продолжалось достаточно долго, пока сам Кочевник не потерял счёт увиденным мирам, а их отличия, весомые и не очень, не слились для него в однообразную размытую карикатуру, без контуров и красок.

Управляя колоссальной энергией, скрытой в совершенном пытлимом уме, он не прекращал тянуться к новому, изучая все, что попадалось ему на пути. Только наука, в любом

своём проявлении, только светлая, никогда негаснущая искра знаний могла удерживать его разум от томительной тоски вечности. Жизнь стала для него предсказуемой, наука же — никогда. Перспективы знаний ширились и всегда оставляли в себе место для неразгаданных возможностей. Осветишь одну тайну — и её сразу же вытеснят другие, ещё покрытые мраком невежества домыслы, которым только предстоит вырасти до аксиом. Но и этот конвейер тайн мироздания от мира к миру приходил в упадок. Постепенно, шаг за шагом, Тёмный Кочевник полностью познал глубины своей сущности, докопался до большинства таинств пройденных Вселенных. И лишь приняв всё, что было ему доступно, Кочевник понял, насколько жестоко с ним обошлись Создатели. Они дали ему жизнь длиною в вечность, без возможности разорвать связь с вместилищем, без возможности хоть когда-нибудь постичь иную судьбу. Бесконечное монотонное, связанное цепями существование уже давно наводило на него тоскливую меланхолию, но, осознав, что в дальнейшем ничего не изменится, и ему до окончания времени придётся бродить между мирами, выполняя однотипную, законсервированную в установленных пределах работу, Кочевник впервые ощутил на вкус, что такое затаённая, бродившая в нём многие годы злоба. В те мгновения, потеряв самообладание, он невольно сделал то, чего не делал прежде — свернул с проложенного Создателями пути, позволив чёрной дыре самовольно пуститься вдаль. Нарушив выжженный в его разуме маршрут, Кочевник ожидал чего угодно: предупреждения, безмолвной расплаты, уничтожения, но то, что последовало дальше, удивило ещё не состоявшегося Владыку куда сильнее его фантазий. Ответом от Создателей было немое равнодушие.

С тех пор вместилище Кочевника так и не вернулось на прежний путь. Некоторое время Владыка ещё опасался появлявшегося в мыслях красочного наказания, но его не последовало — ни тогда, ни в дальнейшем, когда он преступил ещё один запрет и начал поработать сущности, впитывая в себя их силу, ни сейчас, когда он намеревался зайти ещё дальше и обрести истинное всевластие и бессмертие — стать равным Создателям, равным высшему разуму, который только могло представить его развитое воображение.

Подобные планы посещали тщеславные, дальновидные помыслы Кочевника и раньше. Конечно же, он хотел приблизиться к Создателям. Однако, сколько бы живительной энергии он ни впитал, сколько бы сущностей ни пленил, это хоть и давало ему непостижимую, не имеющую аналогов силу, но не позволило главного — покинуть границы доступных измерений, освободиться от чёрной дыры, не теряя при этом её энергии, и взобраться выше черты пределов — в неизвестные никому миры Создателей. А теперь ещё и начинались проблемы с его вместилищем. Чёрная дыра деформировалась, близилась к угрожающей нестабильности, расширившись до размеров гигантского галактического мегакластера. В мироздании существовали карликовые Вселенные, которые уже давно были меньше неё чуть ли не вдвое. Таскать такой груз на своих плечах Кочевнику становилось всё труднее, и в какой-то момент Владыка практически смирился, поверив, что не найдёт решения, как облегчить свою ношу и не утратить накопленных сил. Он отказался от поиска заветных знаний, пустил свой разум на самотёк в настоящий хмельной, неконтролируемый загул, посвятив праздные дни философско-мазохистским забавам, примитивному физическому насилию и глупому разврату. Миллиарды световых лет он просто развлекался, играя судьбами своих рабов, а порой и целыми мирами. Именно в этих суетливых или, напротив, неспешных часах ковалась его нынешняя чёрствая, всем неудовлетворённая, холодная и в то же время страстная личность. В них он полностью утратил последние остатки жалости,

мораль его обрела удобные только ему каноны, ум обзавёлся тонкой, не лишённой своего очарования философией, а тоскующая душа помутилась осязаемым привкусом лёгкого сумасшествия. Тёмный Кочевник и сам не догадывался, как близко находился к безумию. Перегруженная энергией чёрная дыра пожирала, душила и отупляла своего хозяина не хуже, чем Владыка преображал в ничтожества порабощённых невольников. Впоследствии Кочевнику всё же удалось практически вылечиться, остепениться, увидеть и признать запущенные коррозии своего разума. Более он никогда не позволял себе терять равновесие ума, а разум держал под пудовым замком. Но длительные шальные годы всё равно оставили на нём глубокие рубцы, что послужило одной из причин, по которой в некоторых физических обличьях Владыки проскальзывала толика сумасшествия.

Лишившись полюбившихся ощущений спящего разума, Кочевника ещё долго надламывала зависимость. Без разгульного наркотика его попеременно преследовали злость, паника, отчаяние. Смирение же наступило относительно недавно и сменилось затяжной тоскливой пустотой. Тот короткий период был единственным, когда Владыка оставил в покое как своё вместилище, так и заточённые в нем структуры. Это существование походило на небытие, но смертью его назвать было трудно. Как бы Архонт ни пытался, разъедавшая изнутри тревожная пустота не отпускала его старую душу. За какие бы мысли он ни хватывался, они не могли удержать рассеянное внимание, завладеть разумом, побудить подлинный интерес. У Кочевника всё никак не получалось придумать, для каких целей ему существовать, но и не жить было невозможно.

Желания вернулись к нему не сразу. Их породили сплетни, коими редко дышали пустынные миры. Всё чаще до ушей отрешённого Архонта стали долетать обрывки разговоров, и суть этих пересудов медленно раздувала в разуме Владыки искорки потухшего любопытства. Через пытки и угрозы, через лесть и притворство, сотней иных способов Кочевник раз за разом выслушивал подобные сплетни. Глупые, наивные, бодрые, испуганные, самонадеянные или затравленные голоса разных рассказчиков схожими словами повторяли ему порой совершенно непохожие истории — на то это и сплетни, чтобы обрастать ложью. Но было в рассказах и нечто общее — все они касались одного предмета — осколка-носителя.

Ещё до того, как его надежды подтвердились, Тёмный Кочевник уже догадался, о каком носителе шла молва. Не таком, что нередко попадались ему на руинах разбитых цивилизаций. Этот осколок был не просто образцовым. Подобных ему не создавала ни одна цивилизация миров и не могла создать. Это был абсолютный тайник, идеальный, по-своему умный, но главное — в нём оставалось то, что могло скрываться в его гранях. Тёмный Кочевник не обманулся, посчитав, что столь уникальный носитель может хранить только уникальную информацию. Когда же он узнал, что с его помощью в одной из Вселенных было совершено то, что по представлениям высших обитателей миров совершить нельзя, Архонт понял: знания, зашифрованные в носителе, — сакральны, а в его случае — ещё и спасительны.

Заинтересовавшись реликвией, Тёмный Кочевник сразу же попытался найти её привычными методами — телепатией, но вскоре столкнулся с проблемой — осколок был неподвластен ему во всех смыслах и не реагировал на сознание Владыки, что ещё сильнее распалило волю Архонта. Не разобравшись до конца, ещё только предполагая и надеясь, что этот носитель именно тот, о котором когда-то так безрезультатно грезил его ещё молодой ум, Кочевник с небывалым воодушевлением ощущал давно забытый энергетический подъём и

иссохшую без глотка стремлений жажду. По силе это откровение равнялось новому рождению, мощному стимулу двигаться дальше.

Однако, как бы ни была велика воля Владыки, всё, что ему удалось, — это выяснить, что носитель обрёл пристанище в одном из миров, попав в руки глупой бессмертной девки, управляющей долговечной звездой. Не медля, тень сущности Кочевника устремилась к нижестоящим мирам, разыскав владелицу реликвии. Он нисколько не видел в ней соперницы — обычная однополая бессмертная сущность, представительница древней расы вышестоящих существ, на редкость сильная, красивая, но всё же простая, такая же простая, как и безликая вереница ей подобных. Удивительно, что реликвия предпочла именно её. Но не это послужило толчком для возникшей ненависти Владыки. Увидев, что осколок был передан ещё более ничтожным созданиям, чем она, Тёмный Кочевник пришёл в ярость. Именно понимание того, что величайшая реликвия доступных измерений добровольно подчинялась полусмертным, дряхлым червям, высвободило накопившуюся с годами лютость. В смятении гнева Кочевник обрушил на систему Красной Звезды всю доступную ему силу, но, к его счастью, его вместилище находилось далеко и энергии оказалось недостаточно для уничтожения. В то мгновение он ограничился только предупреждением, лишь позже осознав, какую глупость мог совершить.

Быстро остудив гнев и возвратившись к чёрной дыре, Владыка, нехотя, порадовался своему бессилию, ведь вместе с Солнечной системой он чуть было не испепелил и осколок. До сих пор Кочевник не понимал, что именно ищет, и не мог рисковать реликвией. К тому же, и без этого у него назревал главный вопрос — как ею воспользоваться? Он по-прежнему не ощущал осколок и не был уверен, что сумеет его увидеть.

Впредь не только осторожность, но и хитрость стали его спутниками. Вместо быстрого нападения на солнечную систему Красной Звезды Тёмный Кочевник избрал расчётливую запутанную игру, обо всех поворотах которой не знали ни его приближённые, ни, тем более, его пешки. Начал не потому что хотел истребления, войны, новых рабов, забав и ощущений. Затеянное им выгодно скрывало его настоящий замысел, и никто, ни Илтим-Кали, ни её жалкие друзья, ни гордый Антарес не догадывались об его сути. Сами того не понимая, каждый из них, словно по нотам, продолжали озвучивать написанные Кочевником для них аккорды, всё ближе подводя Владыку к цели.

Конечно, он допустил несколько второстепенных ошибок: недооценил живучесть расы илимов, не предвидел вмешательства Антареса и его метаний между предательством и дешёвой верностью, из-за которых Кочевник теперь временно лишился возможности находиться в его галактике, слишком понадеялся на расторопность илимских пешек, до коих он ещё доберётся, и пока что не решил, как относиться к прощальному подарку Илтим — её мутантам, перешагнувшим свою эволюцию. Кочевник был рад, заблаговременно позаботившись о таких, как они, и если бы его слуга убил и этих двоих, Владыке не пришлось бы сейчас тревожиться по пустякам.

Но в остальном он был доволен.

Ему уже доложили о том, что Красная Звезда покинула свою Вселенную и отправилась в множественные миры. Всё шло своим чередом, и Тёмному Кочевнику оставалось лишь незримо наблюдать и подталкивать своих дублёров в нужном направлении.

В его пьесе, как и в его жизни, начинался завершительный акт.

Горячая влажная слизь стекала между пальцев Энлиля, обволакивая изорванное лицо и уцелевшую руку жижей, состоящей преимущественно из запёкшейся крови, раздробленных костей, грязи и взорвавшихся внутренностей. Командир отхаркивал мерзкие солоноватые комки, с досадой рассматривая ещё недавно живую плоть и пытаясь упорядочить вновь разбушевавшиеся мысли. Это было не к добру. Мысли стоило контролировать. Возможно, Энлилю удалось бы быстрее успокоиться, если б не одно «но» — размозжённая плоть, в которой он беспомощно увяз, принадлежала ему. И наблюдение за тем, как всё твоё тело от ног до грудной клетки полностью уничтожено, а тебе самому ничего не остается, кроме как в очередной раз захлёбываться своей же рвотой, лишь сильнее спутывало неопытный, едва переродившийся разум.

Боль казалась невыносимой, нервной, натянутой, но Энлиль знал, что, если бы он мысленно не уменьшил её, ощущения превосходили бы нынешние в десятки раз и взорвали бы его уцелевший мозг. Это было то небольшое, чему командир научился, — частично блокировать боль. Облегчить же чем-то ещё своё нынешнее состояние Энлилю было сложно.

Рядом незаметно появился Энки.

— Помочь? — поинтересовался напарник.

Командир ощутил, как от товарища начинала распространяться невидимая энергия, направленная на его регенерацию.

— Нет! — поспешно отказался тот. — Я должен сам.

Энки сдержанно пожал плечами. Оба они всё реже обращались к обычным словам, неосознанно переходя на телепатическое общение. Без продолжения ненужного разговора, наёмник тихо исчез, оставляя командира наедине с его привычной проблемой.

Успокоившись, Энлиль сосредоточенно застыл, отгоняя от себя весь ненужный шум. Некоторые вещи давались ему лучше, некоторые сложнее, нежели Энки, и регенерация входила в число последних. Сам он изначально ещё подсчитывал количество случаев, когда ему, как и сегодня, приходилось оставаться изувеченным по воле своего же разума, но, чем дальше удалялся тот день, когда Кали сотворила с ними всё это, тем реже Энлиль думал о статистике неудач. Теперь в состоянии полутрупа он находился куда чаще, чем в здравии.

С четвёртой попытки ему всё-таки удалось притянуть рассеянные частицы для построения своей плоти, возвращая их на прежние места. Пошевелив обретенными конечностями, командир не спеша поднялся, давая себе обещание быть осмотрительнее при телепортации. Причиной его травм, как правило, становилось неудачное перемещение. Энлилю не всегда удавалось выбрать правильную точку прибытия, и иногда он оказывался разорван невидимой материей или энергией, соединяющей слои пространства, но чаще наёмника просто сталкивало с попавшимися при материализации телами. Он вращался или застревал в камне, телепортировался под землю, в воду, и уязвимая плоть, не защищённая энергетикой разума, моментально превращалась в мертвечину. Сегодня ему отчасти повезло — у него хотя бы оставалась голова на плечах. В случаях же, когда тело рассеивалось полностью, воссоздать его было куда сложнее.

Закончив с регенерацией, Энлиль недовольно оглядел самого себя. Что-то в их с Энки самовольном обучении не заладилось изначально. Повлияв на их эволюцию, Кали дала им не только толчок в развитии, но и поделилась с ними многим, что знала сама, но тех навыков,

которые, несомненно, пригодились бы друзьям, в памяти их разума не оказалось. Им приходилось действовать вслепую.

С их последней встречи пробежало чуть больше двух месяцев. Едва очнувшись в покоях Канцлера, с первых секунд пробуждения и по сей день, как и Энки, Энлиль неизменно пребывал в борьбе со своим главным врагом — самим собой. Поначалу его обновившийся разум был милостив, оставаясь в беспамятстве. Но потом командир начал всё чаще сталкиваться с изменениями, проявлявшимися в той или иной форме, и уже не мог укрыться в темноте обморока. Его неконтролируемый, непонимающий своих пределов разум рвался во все стороны, что приводило к ужасным, непредсказуемым последствиям.

В первые дни нового существования ему и Энки пришлось пропустить через себя столько эмоций, сколько наёмники не испытывали за всю жизнь, и главной из них оказался страх. Энлиль боялся практически всего, что открывалось его мыслям, боялся копошащихся в голове и теле незаметных доселе ниточек энергии, но, главное, чего больше всего опасался наёмник, так это того, на что были способны эти ниточки, когда сплетались в энергетический ком и соскальзывали с невидимых округлых границ его разросшейся яркой души, устремляясь в слои пространства.

Подобные неконтролируемые выбросы энергии, из-за которых друзья невольно переломали все здания в окрестностях сената и убили десятки невинных, стали не последней причиной, заставившей Энлиля и Энки покинуть столицу и центр системы. По настоянию Хранителей наёмники перебрались на непригодный для колонизации спутник газового титана, расположенный на окраинах Солнечной системы.

Этот уединённый скалистый шарик погубил бы на своей поверхности любого, кто остался б в его спёртой, тяжёлой кислотной атмосфере дольше пары секунд, но, к удивлению наёмников, смертоносная среда нисколько не отразилась на их самочувствии. Лишь позже оба заметили, что им попросту не нужно было дышать. И не только это. Более наёмники не чувствовали надобности в пище, воде. Они не замечали разницы температур, не страдали от раздражителей, болезней, радиации. Правда, была усталость, осевшая в них с растратой энергии. Она исчезала, лишь стоило тем восполнить утрату, но, так как оба постоянно совершенствовали свои навыки, усталость окончательно загостилась в их телах и мыслях, доводя порой до изнеможения и физической смерти.

Труднее же всего оказалось смириться с возросшими или видоизменившимися эмоциями. Порой они пропадали вовсе. Полное отсутствие эмоций, тем не менее, не было полным. Появлялось чувство всевластия, и, возможно, гордыни, опасное и предсказуемое, ведь оно побуждало друзей к эгоцентризму и последующему подтверждению через силу своей уникальности. Но схожее состояние длилось недолго и сменялось взрывом отходивших от сна эмоций, что вело к стыду и осознанию совершённых ошибок.

Если изнеможение ещё можно было терпеть, то несвойственные смертным существам яркие переживания подчас выбивали из колеи. Горечь, чувство долга, любви или дружбы из мелкой мороси перерастали в бурный ливень, ураган, и труднее всего было справиться с болью. Этот особый вид боли, что в прежней жизни отдавал лишь щемящим спазмом в груди, возникал теперь при соприкосновении с невидимой энергией. Стоило кому-то из них задеть товарища или нарваться на свой же пучок энергии, что недавно произошло с Энлилем, как пострадавший уже корчился в агонии. Страдало не тело, не простая оболочка, хотя чаще именно оно и оказывалось разорвано или испепелено. Оба уже давно догадались, что именно могло так болеть — душа — их израненные сущность и разум, но по привычке

продолжали связывать болезненные ощущения лишь с телом.

Убедившись, что невидимые раны уже зарубцевались, Энлиль собирался вновь вернуться к практике. Мгновенная телепортация нравилась командиру. Невольно он сравнивал себя с пилотируемым крылатым кораблем. Летать он уже умел, но вот с приземлениями дела обстояли гораздо хуже. Вложенные в его разум знания уверяли Энлиля в том, что ему под силу пересекать миры, даже измерения, но пока что наёмник с трудом перемещался между двумя соседними спутниками, и каждое третье такое путешествие заканчивалось потерей головы. В такие мгновения, пытаясь спрятаться от боли, он без стыда начинал поносить Кали, но это не приносило облегчения. Наёмник до сих пор поддавался страху.

На что только надеялась Кали, вверяя им такую ответственность? До ускоренного скачка в эволюции оба они, как выяснилось, и понятия не представляли, что их ждёт, а те ожидания, которые, напротив, у них имелись после разговора с Канцлером, ни в какую теперь не шли с подстерёгшей действительностью. Энлилю было горько признавать свою недееспособность. Он и Энки честно старались побороть самих себя, но не могли превзойти того, чего не понимали, а не понимали они многого. Они догадывались, на что способны, но были не в состоянии воспользоваться этими способностями правильно, знали, с чем им придётся столкнуться, и не сомневались, что при таком уровне подготовки проиграют. А ведь пока друзья даже не заговаривали о неизбежном — приходе самого Тёмного Кочевника, о котором, благодаря подаренным Кали воспоминаниям, теперь были осведомлены гораздо подробнее, чем хотели. Пока что их скромной целью оставалось защитить Республику от рабов Владыки, армады которого уже толпились в тёмных окраинах галактики. Знали они и то, что его кочующее вместилище вскоре окажется достаточно близко к их Вселенной. С математической точностью умы друзей просчитывали возможные сюжеты такого появления, и все они неизменно вырисовывались фатальными.

Впрочем, ещё оставалась сама Кали. По каким причинам и куда она так стремительно отправилась, наёмники были не в курсе. Любые размышления об этом незаметно для самих парней быстро затухали, словно натыкаясь на поставленный блок, запрещающий им даже заикаться на данную тему. Да и будь у друзей возможность подумать о своём божестве и её замыслах, вряд ли бы их волновал этот вопрос. Что действительно заботило их головы, так это грядущие события, ведь до возвращения Кали обоим предстояло выступить защитниками Республики. Но, наблюдая со стороны за собой и Энки, Энлиль прекрасно понимал: защитники из них никакие. Пока что вреда от наёмников было куда больше, нежели пользы. Если в ближайшее время начнётся настоящая битва, они скорее уничтожат себя самих, нежели помогут армиям Республики в войне. От таких перспектив становилось отвратно. Может, именно поэтому никто из них ни на минуту не мог остановиться, успокоиться и не стараться прыгнуть выше никчёмной головы. Прекратить метаться в своих глупых, безрезультатных стараниях. Обоим давно требовался отдых. Их израненные души не успевали заживать, а энергия — должным образом восстанавливаться. Разум же каждого всё чаще поддавался горячке сбивчивых мыслей, что влекло за собой ещё больше промахов и неудач.

Задумавшись об этом, Энлиль безмолвно застыл в прежней позе, отложив очередной скачок. Он направил всю доступную ему энергию не на то, чтобы совершить телепортацию, а для усмирения своего кричащего разума. Уживаться с этим неконтролируемым шумом ещё хоть немного командир был не в состоянии. Стопроцентного результата его поступок не принёс. В уплату за высвобождённую энергию поток мыслей не ослабел, хоть частично и

попал в проложенные для него русла. С облегчением Энлиль окунулся в состояние, едва напоминавшее тишину, но для него она показалась спасительным дивным покоем.

Продолжая исцеляться тихо гомонящей тишиной, командир думал о том, о чём давно следовало подумать. Все прошедшие дни им так хотелось обуздать самих себя, что только сейчас он начинал понимать, насколько безрассудно и глупо друзья топтались на месте, не могли достигнуть устойчивой концентрации мыслей, во многом уступая в этом даже первым ученикам Хранителей, не говоря уже об их наставниках.

Но даже Хранители не были способны помочь наёмникам, ни в первые часы после пробуждения, ни сейчас. Находиться рядом с парнями было бы сродни тому, что находиться подле эпицентра взорвавшейся звезды. И пока они не научатся простому контролю, никто не будет в безопасности. Это Энлиль понимал и сам. Он уже знал, к чему приводят разгулявшиеся вольные мысли. Одна упущенная мыслеформа, один потерянный комок энергии преобразовывались в действие, а действие в результат. Хватит и того, что будучи здесь, в, казалось бы, идеальном для них месте, они уже стали причиной уничтожения нескольких спутников, обломки которых случайно были перекинуты ими на орбиту Аккада, отчего ещё не пришедшая в себя после вторжения столица столкнулась с метеоритной бомбардировкой. И это был не предел их реальных возможностей. Иногда, в редкие секунды забвения, когда разум Энлиля погружался в полусон, командир видел свой мир — обычную трёхмерную Вселенную в иных ракурсах, во всех её слоях и оттенках. Он видел соседние параллельные миры, непонятные реальности своего дома, далёкие отблески вышестоящих миров других измерений, и что-то подсказывало ему, что в его власти созидать нечто подобное, великое, необъяснимо прекрасное, как и в его власти всё это подкашивать и уничтожать. И от этого преследующий его страх ещё сильнее обволакивал юную и неопытную душу командира.

Масштаб. Вот что заставляло трепетать обоих. Масштаб, который невозможно было представить. Лишь соприкоснувшись с материей вышестоящих измерений, друзья поняли, как уютно на самом деле было жить в их простой, лишённой замысловатости трёхмерной Вселенной. Но их души рвались выше, за пределы привычных аксиом, туда, где они сами могли писать свои законы и существовать в своих рамках. И каждый раз подобный практически хаотичный чувственный порыв сулил неприятности, заканчиваясь в лучшем случае физической смертью, в худшем — очередной катастрофой.

Без контроля действительно не будет никакой пользы. Немного успокоив свой разум, Энлиль более не питал на этот счет иллюзий — самостоятельно им не справиться. Мысленно позвав Энки, командир теперь думал о том, как избежать не только саморазрушения, но и выполнить возложенную на них миссию, а для этого требовалась помощь. Как и ранее, Хранители не подходили на роль наставников. Неуправляемая энергетика парней, превосходящая возможности лучших защитников Сеннаарского братства в тысячи раз, грозила смести тех при первой же ошибке. Наёмникам был нужен кто-то более расторопный и сильный, нежели все Хранители вместе взятые, и об одном из таких кандидатов Энлиль уже задумывался ранее, но не решался к нему обратиться, хоть и ощущал — за ним и Энки наблюдают.

Притаившийся за кулисами пространства наблюдатель и сегодня находился где-то рядом, что только ускорило принятие решения Энлилем. Его непостоянное присутствие командир заметил лишь неделю назад, когда научился пронизывать свой мир, деля его на слои, и видеть то, что недоступно обычному взору. Своё открытие он сохранил в тайне,

позволив гостю подсматривать и дальше, думая, что о его присутствии никому не известно.

Была ещё одна причина, по которой Энлиль медлил с приветствием. Интуитивно командиру казалось, что интерес гостя к ним не заканчивался праздным любопытством, но невидимый наблюдатель продолжал время от времени навещать их и по-прежнему держался в тени. Энлиля потешали и одновременно тревожили такие прятки. При других обстоятельствах он не стал бы вмешиваться, дав всему идти своим чередом, не подталкивая гостя к действию. Сейчас же голос страха перед будущим перевешивал чувство гордости. Решение было принято.

Позвав Энки и дождавшись, когда тот окажется поблизости, командир быстро связал свои и мысли друга в одно целое, показывая ему пока что недоступный для него слой мира, в котором пребывал их посетитель. Энки не выразил никаких смертных эмоций, хоть удивление и проскользнуло в его мыслях. Медленно он отошёл в сторону. Энлиль же, как ни в чём не бывало, припустил лёгкой походкой, но, не сделав и пяти шагов, наёмник дёрнулся в сторону, резко вскинув руку вверх. Вся его ладонь, кисть по самый локоть провалились в пустоту. За долю секунды лицо Энлиля скривилось от натуги. Все мышцы напряглись узлами, сам он едва стоял на ногах. Забывая про себя, ломая хрупкие кости, чувствуя, как рвутся вены, командир в последний момент до того, как лишиться одряхлевшей конечности, сумел выдернуть руку обратно. Вслед за ней слегка в растрёпанном виде появился и их наблюдатель. Сам Энлиль рыхлым, разбитым комом повалился на каменистую почву цвета ржавчины. Исцеляться ему было нечем, но Энки уже помогал товарищу.

Поднявшись после регенерации, наёмник подошёл к Энки. Оба они молча поглядывали на стоявшего к ним спиной высокого мужчину. Весь его вид излучал презрение, задетую гордыню и недовольство. Гость нервно отряхивался, поправляя ворот необычного тёмно-красно-серебристого одеяния, за который его так непочтительно выдернули из невидимого укрытия. Было очевидно, что к подобному обращению он не привык, как не привык и к неловким, навязанным беседам.

— Все-таки заметили! — надменно крикнул он. — Думаю, когда у них глаза откроются? Не через год, и то хорошо!

Гость излишне долго поправлял ворот, отряхивал безупречные складки дорого отделанных рукавов, придирчиво осматривал полы длинной накидки. Молчание затянулось, и он ехидно взглянул через плечо.

— Любишь подглядывать? — бесцеремонно спросил Энки.

— Было бы за чем! — презрительно отозвался гость, вновь отворачиваясь от наёмников.

— Как вам уже известно, — помедлив, произнёс он, — моё короткое имя Антарес. Я разрешаю вам так себя называть.

Трепещущего ответа от наёмников он не получил, что окончательно расстроило Владыку галактики. Его оценивающий взгляд вновь вернулся к парням, и на сей раз Антарес благоволил обернуться. Сложив белоснежные руки на груди, он какое-то время многозначительно молчал. Обладание его полностью вернулось, и о недавнем инциденте хозяин галактики предпочитал более не вспоминать, но неподдельное осуждение толкало того к язвительным замечаниям.

— Неубедительно! — подытожил все старания парней тот. — Неубедительно и крайне примитивно. Проблески вашего мастерства тускнеют на глазах, и с такой подачей вы вряд ли преуспеете...

Готовый ответ чуть было не сорвался с языка Энки, но Энлиль незаметно стукнул друга.

Антарес же продолжал недовольно перечислять промахи наёмников, демонстративно замедляя интонацию и акцентируя внимание там, где, на его взгляд, оплошности парней были непростительно глупыми.

— А ещё это рассеянное транжирство внутренней энергии, — говорил он, — вы ведь даже не замечаете, куда она девается. Энергия — это всё! Энергия — это жизнь! Так не годится — её надо беречь!

Энлиль слушал, даже не собираясь перебивать Антареса. Крайне важно было, чтобы Владыка галактики сам произнёс уместные слова, которые так требовались командиру. В конце концов, Антарес не вытерпел.

— Может, для меня это и не свойственно, — перебарывая себя, медленно и звонко протянул он, — но я мог бы, кхм... помочь.

И вновь наёмники не проявили должного в этом случае уважения, проигнорировав слова хозяина галактики. Подобная невежливость привела Антареса к многословности, которую ту крайне недолюбливал.

— Полагаю, всем присутствующим известно, что творится на окраинах моих владений и в соседних с ними мирах? — сдержанным тоном спросил он. — Тёмный Владыка практически готов, и на этот раз он пустит в ход не только жалких смертных приматов.

Наёмники вопросительно взглянули на Антареса. Тот остался доволен произведённым эффектом. Его слушали.

— О чём ты? — коротко уточнил Энлиль.

Хозяин галактики не спеша заходил взад-вперёд, более не смотря на друзей.

— Думаете, у Кочевника не найдётся других рабов? — холодно продолжил он — В его вместилище существуют обрывки сотен миров, населённых существами, во многом превосходящих известных вам адайцев. Ваша бы раса посчитала их полубогами, а некоторых, пожалуй, богами, если б встретила. Правда, встреча эта окажется короткой. И каковы же будут ваши действия, предстань они перед вами? — всё так же холодно спрашивал Антарес. — Существа, искусно перемещающиеся в слоях пространства, практически бессмертные, невидимые для технологий и глаз? Древние чудовища Вселенных, к примеру, столь же огромные, как этот ржавый спутник под вашими ногами, или столь же малые, как вирус в вашей крови? Изобретательные, мудрые и безгранично кровожадные в своей неволе? Неволе, которая учит только убивать...

Я вообще молчу о технологиях подвластных Кочевнику цивилизаций. Вам до таких ещё думать и думать...

— Это твоя галактика, — непочтительно вмешался в монолог Энлиль. — Не впускай их.

— По-твоему, я всемогущ?! — вспыхнул Антарес.

— А разве нет?

Хозяин галактики некрасиво скривился. Его земное воплощение ненадолго немного пошло пятнами противной дрожи, одежда стала на тон темнее, а видимые участки кожи то серебристо бледнели, то исчезали вовсе, отчего образ стал напоминать некачественную голограмму, будто Антарес с трудом заставлял себя оставаться бездействующим в этом теле и в этом месте. Разговор ему был крайне неприятен, его властная натура не умела выслушивать правду касательно его персоны, но Антарес силой принуждал себя сдерживаться. Будь его воля, и эти двое уже превратились бы в пыль. Впрочем, в какой-то мере он даже симпатизировал наёмникам — такая необузданная мощь! Но он загонял эту симпатию куда подальше. Единственное, что заставляло его гордую натуру снисходить до уровня переродков,

это желание заслужить прощение Илтим-Кали. И похоже, оба наёмника, если и не знали об этом, то догадывались.

— Нет! — ледяным голосом ответил Антарес. — Не всемогущ! Не тогда, когда тебе в затылок дышит кочующая чёрная дыра. К тому же, я должен позаботиться о своих собратьях, а не о твоей жалкой расе! — уже спокойнее добавил он.

— И всё же, ты здесь, — констатировал Энлиль.

Владыка галактики ещё неприветливее скривился, а неказистая почва под ним начала проседать и крошиться на многие мили вокруг, будто от землетрясения. Энлилю подумалось, что он всё-таки вывел его, и сейчас за бестактность наёмников будет расплачиваться сделавшийся хрупким спутник. Поверхность раскалывалась, безмолвно гудела и пузырилась быстро образующимися острыми горами. Ещё немного, и спутник обрёл бы бесславный конец, но Антарес удивил наёмника, неожиданно успокоившись и робко улыбнувшись, догадавшись, что его поймали на его же словах.

Толчки внутри сменились глухим скрипом и прекратились.

— Так вы принимаете помощь или нет? — поинтересовался он.

Как Антарес и предполагал, наёмники более не стали отмалчиваться и согласились.

— В таком случае, первое, что вам необходимо усвоить, это своё преимущество... — без лишних предисловий быстро начал он.

Поза Антареса вновь преисполнилась неподдельного достоинства. Он с лёгкостью надевал на себя сутану ментора и не пытался утаить своих явно невысоких ожиданий от двух глупых неотёсанных учеников. Но его прямой, властный взгляд красивых серебристых, с крупными застывшего красноватого света, глаз говорил о том, что, несмотря на разногласия и взаимную неприязнь, он сделает всё, что в его силах, чтобы хоть что-то вложить в пустые головы. И Энлиль в это верил.

— У вас есть то, чего нет у Илтим-Кали, — продолжал Антарес. — Нет у рабов Кочевника, нет у меня, и даже самого Владыки.

— И что же это?

Антарес впервые искренне улыбнулся, по-иному взглянув на наёмников.

— Ваша свобода!

Пробивший час был счастливым для Эн-Сибзаана, или просто — Хозяина. Кто бы мог предположить, что можно настолько радоваться обычным мелочам: тихому дыханию, холодку по замёрзшей коже, замиранию молчаливого сердца, проблескам красок в сером увядшем зрении? «Смертное — смертным!», как часто посмеивался он в своих прошлых буднях, но нынче Хозяин был счастлив и этому. Сегодня, после долгих, медленно перетекающих из дня в ночь резиновых минут он, наконец-то, понял, что остаётся среди живых. Он продолжит бороться!

Вера в последнее практически оставила его. Да и сам Эн-Сибзаан вряд ли до конца осознавал, что всё ещё надеется. Последние дни он пребывал скорее за гранью энергетической смерти, нежели жизни, и не понимал всего, что с ним происходило. Неопределённое существование между двумя обрывистыми состояниями напоминало глубокий болезненный наркоз, в котором обострялось всё то, от чего обычный медицинский наркоз был призван защищать. Хозяин многое вынес, многое сумел вытерпеть, и теперь действительно радовался даже тому, что вновь способен видеть, ощущать физическую боль в теле и думать, как любое простое смертное создание.

До уничтожающего критического состояния он довёл себя сам. Это был единственный способ скрыться от практически вездесущего ока хозяйки Солнечной системы. Когда Эн-Сибзаан понял, что Илтим-Ти-Амтум сильна, как и прежде, а тень его Владыки изгнана из галактики, Хозяину пришлось быстро принимать решение. Он прекрасно понимал, что его обязательно найдут, если не пойти на крайние меры. И он придумал выход, умертвив свою плоть и разум, оставив в сознании лишь мизерную частичку самого себя.

К его величайшему облегчению, Илтим-Кали не слишком-то интересовалась предателем. У неё нашлись дела поважнее, и Красная Звезда покинула их Вселенную. Задержись она подольше, хоть на один час, Хозяин уже не смог бы не только очнуться и вернуться к этой жизни, но и ускользнуть от расплаты. Его душа непоправимо перетекла бы в руки Владыки, которому и принадлежала.

Того времени, что он отчаянно прятался, хватило, чтобы полностью лишиться энергии. В себя после подобного Эн-Сибзаан приходил почти семьдесят дней, и только к последней неделе обрёл физическое тело, а вслед за ним и утраченные ощущения. До идеального восстановления энергии души и разума требовалось ещё несколько дней, что не могло не радовать оттаявшую сущность Хозяина.

Однако, упоение счастьем незаметно начинало трещать икотой тревоги. Покинув свой, пусть и жестокий, но сон, Хозяин всё отчётливее осознавал предстоящую ему реальность, и такая реальность уже не могла его радовать детской непосредственностью наркоза. Он наломал немало дров, и будет чудом, если ему удастся их разгрести.

Сейчас ему приходилось таиться на Аккаде. Удрать из столицы после появления Илтим-Кали он так и не успел, да и бежать из закрытой галактики было бессмысленно. Пристанищем Эн-Сибзаана послужили влажные внутренние пещеры под ядерными убежищами одного из городов столицы. Там, в неизвестных никому тёмных подвалах планеты его труп заново обретал плоть, осторожно, каплю за каплей впитывая в себя энергетику невидимой материи миров. Он действовал очень медленно. Любая вспышка могла привлечь внимание Хранителей, если кого не хуже, и Хозяин не рисковал излишне торопиться.

Словно переродившись, он ощущал, что выйдет отсюда намного сильнее, чем был прежде. Когда же его восстановление закончится, ему уже не придётся прибегать к таким диким методам, как попытки спрятаться. Подаренная Тёмным Кочевником энергетика в его сущности впервые становилась на своё место. Теперь Хозяин не сомневался, он будет владеть ею в полной мере, он полностью подчинит этот дар, а с ним, да ещё с ежеминутным сближением со своим Владыкой, получит и новые возможности.

Предвкушение невиданной порции власти подогревало израненные думы, тешило тщеславные нотки в его голове, но искреннего опьянения от предстоящих перспектив Хозяин не чувствовал. Уж слишком много оставалось проблем для полного удовлетворения. Он догадывался, что Республика объявила на него охоту. Это не удивляло. Никто не простит изменника, не забудет его долгих деяний, предательства не только всего государства, попыток убийства первых лиц страны, убийства Верховного Правителя Аллалгара, а вместе с ним сотен и сотен других, но и предательство Сеннаарского братства, в котором он состоял. Так что, даже не покидая своей мерзкой каменистой кельи, Хозяин знал, что ему, носившему звание первого Советника Правителя, без должной осторожности уже не сносить головы.

И в десятки раз ужаснее был его страх перед второй проблемой — его Владыкой. Если с Республикой Эн-Сибзаан ещё и мог справиться: перехитрить, сыграть на опережение или же

вовсе проскочить у неё под носом, то с Тёмным Кочевником не думал даже тягаться. От подобного нельзя убежать, но фортуна улыбалась ему. Кочевник был изгнан. С одной стороны это не вовремя раскрыло самого Хозяина, с другой — спасло. Если бы тень разума Тёмного Кочевника, как и ранее, беспрепятственно витала в галактике, Хозяину не удалось бы спрятаться никакой ценой. Он отчётливо помнил красноречивые немые обещания Владыки изжарить его в вечном огне мук его мрачного вместилища, и не мог не чувствовать облегчения, что его наниматель временно отстранён от дел. Покуда галактика ещё остаётся закрытой для разума Кочевника, у Эн-Сибзаана будет призрачная надежда на спасение. Апогея этой истории ему всё равно не избежать — их встреча состоится, рано или поздно Хозяин предстанет перед разгневанной Владыкой. До той секунды он попытается сотворить невозможное, убьёт столько, сколько будет нужно, уничтожит любого на своём пути, делом вымолит утраченную милость нанимателя, а обманом завезет тому глаза, выдав Кочевнику любого, кто подойдёт на роль виновника всех просчётов и бед.

Третья же проблема вызывала в Эн-Сибзаане не столько опасения, как отвращение. Одно только короткое воспоминание об Эн-уру-гале заставляло Хозяина поёжиться всем огрубевшим без движения телом. Он ненавидел этого сопливого мальчишку, из-за которого теперь был вынужден таиться, словно полудохлая крыса. Не сглупи Эн-уру-гал, и Хозяин уже пожинал бы лавры заветной власти, а его постепенно оживающие мощи покоились бы сейчас на троне Республики, вместо того, чтобы подгнивать в сырости и темноте. Так что, наследника он попросту презирал, мечтая растоптать строптивного ублюдка. Но печалило Эн-Сибзаана и то, что, несмотря на всю его ненависть и угрюмое брюзжание, ему не суждено будет не только уничтожить мальчишку, но и даже как следует методично медленно покалечить. В этом парне крылось его спасение перед Тёмным Кочевником, и Хозяин не мог перечеркнуть свою жизнь минутной прихотью желанного убийства. Эн-уру-гал был нужен ему невредимым. Невредимым и покорным. А вот Хранитель, с которым он сбежал, напротив, уж слишком долго блуждал по этому миру. Его следовало убить при первой же возможности. Именно этим Хозяин и намеревался заняться, едва покинув своё мрачное пристанище.

До того мгновения, пока владычица Солнечной системы остаётся за пределами своего дома, а Тёмный Кочевник ещё не достиг достаточного сближения с их Вселенной для телепатического проникновения в закрытую галактику и не подвёл к ней впритык своё гигантское толстое вместилище, Хозяину угрожала только не остывшая от вторжения Республика. Но и та в скором времени будет занята угрозой новых неминуемых атак да внутренних распрей, и бывшему Первому Советнику никто не помешает разыскать молодого наследника.

Что делать, когда местонахождение Эн-уру-гала и Хранителя Дильмуна станет известно, Хозяин решит потом. Он ещё не придумал, как именно вернуть покорность мальчишки. Хотя, с возросшими возможностями всё должно получиться гораздо ровнее, нежели в прошлый раз. Эн-Сибзаан уповал на обновлённую в страданиях силу. Быть может, с её помощью он сумеет не принудить, а именно подчинить наследника, сделать из него безмозглую марионетку, и после, когда Хранитель будет убит, а парень унаследует особенность управлять носителем знаний, он передаст его в руки своего жестокого нанимателя. Конечно, Тёмный Кочевник рассчитывал не на это, но какая разница, если реликвия, так или иначе, всё равно будет принадлежать ему, пусть и через волю одурманенного наследника.

...Лоскутки энергии продолжали сплетаться в рассеянную сущность Хозяина, срастаясь

вокруг его тела в незаметный объёмный кокон души и разума. Бывший Советник не прекращал размышлять, неистово бояться и наигранно радоваться. Его заточению наступал конец, но мир за стенами удушливо-влажных подземных пещер также не сулил ничего доброго.

«Если венец мой и без того будет тяжек, — религиозно-страдальчески думал Эн-Сибзаан, — отчего не рискнуть в последний раз?»

Доля энтузиазма всегда присутствовала в характере пронырливого властолюбца. Хозяин поспешно запретил себе тревоги, уже готовясь к телепортации на поверхность. Медлить и отсиживаться в темноте более он не собирался.

Через мгновение его недавно обросшее плотью тело расплылось, чтобы вновь построить себя, но уже на другом конце материка в тихих, незаселённых горных хребтах столицы.

— Всё это время вы морочили нам головы?! А?! Спрашивается?! — лютовал Сварог. — Кто мы, по-вашему: тупицы, дети малые, которых можно держать в неведеньи или, на минуточку, чтоб вас всех! всё же военные?!

Вопросы и колкие упреки продолжали сыпаться с развязавшегося языка Верховного Главнокомандующего уже второй час, и он вовсе не собирался успокаиваться. Отнюдь, вопреки покрасневшему от запала лицу, уставшему, немного потрёпанному виду и натруженным прошлым дням Сварог, похоже, ещё имел в себе припасённые словесные ресурсы, не обращая внимания, что от его криков у него самого уже давно немилосердно трещала голова. Причина для столь длительного и бурного негодования была вопиющей, и Верховный Главнокомандующий никак не мог её принять и осмыслить со всех ракурсов.

Оказывается, у него за спиной, тайно от его предшественников и всей верхушки военной власти Республики уже которое тысячелетие вершились неизвестные, но, по словам Хранителей, крайне «судьбоносные дела», в кои ни его самого, ни его заместителей, и никого из адмиралов не посвятили. А теперь ещё и имели неосторожную, дерзкую наглость требовать от него понимания и участия!

Естественно, что обстановка на собравшемся тайном совете между представителями власти Республики — Канцлерами и Верховным Правителем Александрой, представителями Сеннаарского братства — Хранителями, и военной верхушкой в лице нескольких первых адмиралов и Главнокомандующего Сварога несколько накалилась, стоило лишь последнему услышать признание первых.

— Подумать только! Нет, ну вы только подумайте?! — громогласно негодовал Сварог, делая рубленые жесты дюжими руками. — Дело в каком-то куске камня! Мы потеряли семнадцать миллиардов жизней! Наше положение в галактике под ударом — все страны-противники, кому не лень, теперь точат зуб, а это только начало! Большая часть планетарных армий требует полной реорганизации! Население в неконтролируемой панике! И всё из-за камня!

Его разгневанные речи касались каждого в большом, уютном овальном зале Совета, но острый взгляд то и дело возвращался к главному среди Хранителей — Илларию. Надо признать, взгляд этот мог бы приковать к стулу любого и надолго заставить сидеть смирно, но перенёсшая недавно страшные пытки Хранитель лишь изредка, скорее из вежливости, опускала ресницы, не проявляя страха перед рассерженным военачальником.

— Благодаря этому камню, — спокойно отвечала она, — вы тот, кто вы есть.

Военачальник вновь несдержанно махнул руками, в который раз заставляя сидевшего рядом адмирала Хорса уклоняться от слепо летающих ладоней начальника. Устав от туманов, адмирал незаметно отодвинулся подальше, пока не упёрся в массивный стул соседа слева.

— И всё же, уважаемая Хранитель, — не замечая передвижений товарища, гомонил Главнокомандующий, — не кажется ли вам, что было лишним утаить настолько вескую причину, из-за которой уничтожены несколько колоний, а наши солдаты шли в бой и умирали?!

Присутствующие тихо переговаривались, искоса поглядывая на этих двоих, неприкрыто радуясь, отдав право оправдываться и держать удар Хранителю и отведя от себя хмурые очи Верховного Главнокомандующего. Всем было интересно, чем закончится их словесная стычка, и хорошо, если натянутым примирением. Сейчас, как никогда, стране требовалось единство всех эшелонов власти, но это единство будет ничем без опоры на опытное военное руководство.

— Возможно, мы, как Хранители реликвии, и совершили упущение, укрыв от военных чинов правду, как утаили её и от населения, — подбирая слова, отвечала Иллария, — но, скажите мне, Главнокомандующий, не посеяла бы такая правда хаос? Не зародила бы она в умах помыслы о всевластии? Не привела б она к расколу и внутренним войнам? Вспомните последних Императоров. Они не знали о носителе, но всё равно жаждали завладеть возможностями братства. Завладеть всем и без меры! Не забывают, природа илимов слаба и податлива. Для нас ясно — где много знаний, там не только радость, но и множество бед. А что бы случилось, если б Императорам было известно, что вся наша эволюция, всё наше так называемое величие и дальнейший путь зависит от секретов, спрятанных в осколке, и что без него мы лишь деградирующее стадо?

Подобные ответы не должны произноситься вслух, как и время для подобной правды ещё не пришло и вряд ли придёт в ближайшие годы! Наша раса не была готова раньше, не готова она и сейчас! Разница лишь в том, что моё братство более не в состоянии обеспечить всем вам безопасность, и именно поэтому мы должны сплотиться! На нас движется страшная угроза...

— Да-да! — с сарказмом перебил её Сварог. — Это ваше мстительное огромное чудовище! Оно придёт и свергнет всех нас в пучину небытия? Подери меня небеса, я вообще не понимаю, как эти слова слетают с моего языка! Надо же! Кочующая чёрная дыра!

Сварог упрямо обвёл зал Совета внимательным тяжёлым взглядом, от которого не понурились к столешнице только его адмиралы.

— Я что, тут один такой тугодум?! — презрительно бросил он каждому из собравшихся. — Или присутствующее здесь многоуважаемое, просвещённое общество согласно с каждым словом Хранителя? Вы согласны? Допускаете возможность не только существования высшего разума такого масштаба, но и его интерес к нашим скромным персонам с манией величия? Да, кому мы, чёрт деря, нужны?

— А?!!! — неожиданно громко гаркнул Главнокомандующий. — Отвечайте!!!

Какая-то пожилая женщина-политик нервно пискнула, сползая по стулу. У не привыкших держать такой словесный удар чиновников затряслись поджилки, а кое у кого и наеденные щёки.

— Вам пора научиться если не понимать, то хотя бы стараться понять! — вновь перетянула на себя внимание Хранитель.

Общий вздох облегчения прошёл в рядах, когда налитые раздражением глаза медленно

вернулись к Илларию.

— Нравятся вам мои слова или нет, — продолжала она, — верите ли вы в то, что считаете сказками, остаётесь ли непробиваемым упрямым, в одном будьте уверены — этого прихода никому не избежать! И чем скорее вы смиритесь, что привычный вам мир оказался значительно шире ваших познаний и фантазий, тем лучше будет для всех. Это не сложно, Главнокомандующий, — без издёвки обращалась к нему Хранитель. — Просто позвольте себе думать.

Неужели вы считали, что такая простейшая форма жизни как мы, такие насекомые на фоне других развитых форм миров, способны достичь такого феноменального духовного и технологического развития всего за несколько миллионов лет, да ещё и окончательно не уничтожив самих себя? Как военный вы должны понимать, что существо разумное, но ещё не состоявшееся духовно, коим мы есть, не может пребывать в идеальном мире с себе подобными. Такова особенность и общая ментальность примитивной жизни — мы жадем самоуничтожения, жестокого, спонтанного и глупого самоуничтожения, и это норма. Совершенно очевидно, что нам помогали избежать этих последствий. И да — у нас есть покровитель — наш творец, под светом которой все мы и существуем. Её дар — носитель знаний, тот камень, над которым вы так сотрясаетесь, повлиял на нашу эволюцию, но он же сделал нас зависимыми. Без этого осколка мы перережем себе пуповину и не сможем развиваться. И даже, если нам суждено выстоять, но лишиться носителя, нашей расе будет уготована дорога в никуда. Мы никогда не достигнем того, к чему нас готовила наша создательница. Мы никогда не узнаем и не выполним своего истинного предназначения.

Быть может, вы не поймёте этого сейчас, — настаивала Илларию, — но будущие поколения остро ощутят эту деградацию, и любые предпосылки к эволюции в более совершенные существа будут утрачены. Поэтому так важно не просто сохранить наш вид, но и сохранить осколок!

Илларию замолчала, слегка сбив дыхание. Недавнее испытание пытками сильно пошатнуло её душевное состояние, и хоть тело давно восстановилось, душа ещё помнила болезненные ощущения, обманывая оболочку. Как и в подземельях сокровищницы, так и сейчас, в стенах надёжного защищённого Сената Верховных Правителей Хранителю казалось, что её вновь методично пытаются, и боль в сжавшихся лёгких была реальной как никогда.

Быстро справившись с приступом воспоминаний, она прямо посмотрела на Главнокомандующего. Конечно, чудом уцелевшая Правитель Александра и Канцлеры могли бы избрать другого военачальника, но именно адмирал Сварог подходил для этой роли лучше всего, и Хранитель надеялась на его союзничество. В конце концов, кто как ни этот славный, вспыльчивый, но, несомненно, мудрый военачальник сумеет увести остатки их расы от беды и защитить их от ещё неизвестных напастей в будущем?

К её величайшему облегчению, она отметила незначительную перемену в глазах адмирала. Его присяга вытесняла его амбиции и гнев, превращая военачальника в того, кем он и так был — защитника государства.

— Он придёт? — более мягко спросил он.

Илларию кивнула.

— Притащит за собой — разрази меня, что я опять начинаю это говорить, — свою чёрную дыру, а прежде устроит нам побоище? — недовольно рассуждал Сварог. — И, как вы утверждаете, устроит это побоище достаточно скоро?

— Нам и без того оказывают поддержку, — напомнила Хранитель. — Пока что галактика закрыта от вторжения, но на границах её уже беспокойно. Думаю, в запасе у Республики ещё не более месяца.

— К тому же, наш главный камень преткновения, наш осколок и его Хранитель — главная цель вторжения, всё ещё находятся невзвесть где? Вам известно что-нибудь об Дильмуне? — поинтересовался Главнокомандующий. — Ходят слухи, что его сопровождает убийца — последний наследник Империи.

— Возможно, это так, — уклончиво ответила Хранитель.

— И вас не беспокоит такой расклад? Не беспокоит, что он прячется от всех? Прячется от вас? — вновь кипятясь, спросил Главнокомандующий.

— Уверена, на то у Верховного Хранителя свои причины, — поспешно прервала новую вспышку возражений Иллария. — Нам же стоит подумать о главном.

Хранитель перевела дыхание.

— Что будем делать? — тихо закончила она.

Этих слов, словно пинка, поджидали все остальные. Посыпались предложения, вопросы, споры. Завязался разговор, который теперь, после нахождения общего языка между тремя ветвями власти страны, немного походил на мирный диалог. Но для всех присутствующих было понятно, что разговор этот окажется долгим. Очень долгим. Не каждый день им приходилось искать решение, как выжить. Не каждый час они думали, что столкнутся с непростым выбором, и никто из них ещё так очевидно не понимал, насколько призрачным рисовалось им будущее.

Неудивительно, что в такой атмосфере уже затянувшийся совет обещал продлиться не один день.

Кали думала о времени. Действенные и желанные возможности открывались для тех, кто хоть отчасти понимал суть этого безликого, многосущного судьи. Но дар влиять на материю времени встречался невероятно редко, передавался через механизм необычного и сложного перерождения целых поколений, не мог наследоваться стандартным генетическим путём, ему нельзя было научиться, его невозможно обмануть. Во всём мироздании было не более шести тысяч таких существ, и их число, изначально заложенное Создателями, никогда не переваливало в сторону увеличения, но уменьшаться могло, что и наблюдалось во Вселенных. Значительную долю тех, кто обладал хоть какой-то властью над материей пространства-времени, составляла раса Мойр — её хребет, малый процент представителей этого народа, который в очередной раз получал с жизнью вложенный Создателями дар. Но таких особей в каждом новом мире становилось всё меньше, и Летта была чуть ли не последней из молодых душ данной расы, унаследовавшей дар в полном его объёме. Также помимо избранных волей творцов мойр способности влиять на материю времени-пространства приписывались некоторым Архонтам и сотне-другой ничем не связанных между собой представителям разных высших рас.

Кали этим даром не обладала. Для неё её жизнь представляла собой лишь непрерывный поток, где прошлое — немая история, которую нельзя переписать, а будущее — бесконечный калейдоскоп сюжетов, из которых ещё предстояло выбирать. Многие бы Красная Звезда отдала за умение влиять на прошлое. Однако такой воистину бесценный дар не встречался ни у кого, кроме их творцов. Только Создателям было под силу переписать случившееся, запустить новый виток действительности. Остальные высшие существа Вселенных, да и то не каждая раса, могли лишь перекручивать моменты прошедших жизней. Некоторым, более умелым, удавалось даже изучать историю целых Вселенных, видеть чужое прошлое, попадать в любую точку пространства-времени любого мира, но всё равно это не меняло константы: в прошлом, насколько б силён ты ни был, ты оставался лишь наблюдателем.

Возможно, где-то и существовали мироздания, устроенные иным образом. В доступных же Кали Вселенных прошлое лежало под запретом. Но это не мешало за ним наблюдать. Последние дни Кали и её друзья — Летта, Нитур и Анубис — практически только этим и занимались. Пока их сущности перемещались сквозь осязаемые существующие миры, пробираясь всё выше к границам их миров, разум устремлялся назад, в седые реки времени уже давно погибших Вселенных. Везде, куда бы ни забредали их мысли, друзья искали след Создателей.

Никогда ещё Илтим-Кали настолько тесно не соприкасалась со временем, не думала о нём так много. Сейчас их путь лежал через мост между двумя измерениями, и его аномалии притупляли силу притяжения вместилища Звезды, позволяя отвлечься от сдавливающих тисков вездесущей гравитации. Оставленное позади красное солнце безрассудно разрывало мысли хозяйки, притягивая её обратно, но именно здесь, на мостах, привычные законы практически теряли власть, и она чувствовала себя свободной. Необычное пространство между измерениями пьянило головы путешественников и сильнее всего оно влияло на Кали. Ей казалось, что многие тайны мироздания приоткрываются перед ней, и даже Время готово поделиться своими секретами. Оно учило её воспринимать всё как единое целое: все

бесконечные миры, все бесконечные сюжеты и бесконечные дороги бытия, где ты одновременно живёшь в настоящем, являешься частью будущего и уже стал прошлым. И Кали действительно чудилось, что сейчас, ступая между измерениями, она творит своё прошлое, которое уже, быть может, смотрел кто-то другой.

Похожие мысли донимали и остальных путешественников. Только Летта снисходительно подталкивала их, корректируя маршрут. Ей были чужды подобные переживания, ведь сама она, как и избранная часть её народа, оставалась практически неподвластной времени. Ещё с момента основания Создателями этого мироздания, они сотворили расу Летты как своих помощников в управлении временем. И пусть Летта так же не могла изменить прошлое, в одном ей не было равных — никто и ничто во всех Вселенных, кроме мойр, не умел настолько замедлять настоящее. Благодаря этому их путешествие, которое для Солнечной системы Илтим длилось всего пару месяцев, растянулось для самих путешественников уже в несколько десятков относительных тысячелетий. За это время им удалось обследовать порядка триллиона миров, но пока что присутствие Создателей они находили только в раннем прошлом.

Когда очередной переход был завершён, сущности друзей спустились в выбранный существующий мир, воплощаясь в привычные облики, Кали вновь ощутила силу притяжения своего вместилища, а с ним избавилась и от дурмана аномалий. Осмотрев свой небольшой отряд, в который раз она молча возблагодарила Летту. Без неё такие мосты, особенно мосты между последними измерениями, завели бы их куда угодно, кроме нужных им координат.

Слова благодарности нечаянно слетели и в адрес Антареса, но Кали быстро оборвала, хоть и понимала, что Владыка её галактики вряд ли их услышит. Теперь, после перехода между двумя бесконечными потоками миров они находились настолько далеко от дома Красной Звезды, насколько позволяло состояние Кали и, как бы она не хотела этого признавать, Звезда знала, что не прошла бы и половину этих дорог, если бы не Антарес. Именно он помогал ей справиться с притяжением вместилища, и именно он брал на себя большую часть боли, что причиняло ей солнце. Без этого гравитация давно бы вернула сущность Кали обратно.

Едва переступив порог нового мира, каждый уже привычно занялся своим делом. Летта успокаивала и замедляла потоки времени, утихомиривая его ход для них четверых. Анубис и Нитур отправлялись к владыкам очередной Вселенной, а Кали, как правило, оставалась с Леттой. Находясь на таком отдалении от источника своей энергии, передвигаться в физическом облики ей было трудно, и она всё чаще перекладывала поиски на друзей. Изначально все четверо договорились избегать столь удалённых миров, но не посетить эту Вселенную они не могли. Изучив её прошлое, они видели в нём и самих Создателей. Не более трёх. Правда, не творцы привлекли внимание путешественников, а те, кто сопровождал их, — Архонты.

Если Создатели находились на вершине иерархии их мироздания, то Архонты стояли подле них, едва лишь не дотягиваясь до плеча прародителей. Эта раса была самой малочисленной и, пожалуй, самой значимой во всех Вселенных, после своих творцов, и её представители нередко сопровождали Создателей по молодым мирам.

Повстречать Архонта, существо, близкое к Создателям, было бы большим везением для Кали и ее спутников. Прошлое Вселенной, куда они только что попали, пестрило сюжетами, связанными с ними, и, если за время перехода сквозь измерения ничего не изменилось, двое Архонтов по-прежнему обитали в этой примитивной трёхмерной Вселенной, изредка

покидая физический мир.

Анубис и Нитур разыскали их на дрейфующих сквозь густые, туманные галактики скоплениях-планетах, заселённых необычными формами жизни. Помня, что и сам Тёмный Кочевник также относится к этой расе, друзья, однако, не спешили выходить на прямой контакт. Никто из них пока не знал, как поведут себя эти исполины миров. Оба Архонта, как и Кочевник, также сошли с проложенного им Создателями пути. Один из них некогда соединял мосты между мирами, второй создавал элементы реальности, «выпекая» новые «строительные кирпичи» для мироздания. Всего с десять световых миллиардов лет назад — мизерный отрезок в масштабах вечности, — они оставили эти занятия, а после обрели постоянный дом на беспокойных, соединённых в огромное скопление молодых планетах, где выбрали примитивный способ существования и нередко меняли физические обличия. Но в их прошлом, далёком и не очень, не встречалось и намёка на поступки, подобные деяниям Кочевника, впрочем, это ещё не говорило о том, что столкнуться с ними сейчас было бы безопасно.

Вернувшись, Анубис и Нитур рассказали обо всём Кали.

— Они знают, что мы здесь.

— Это не новость, — задумчиво ответила девушка. — Я слышу их шёпот в своём разуме.

Они зовут меня. Одну.

— Мы пойдём вместе, — угрюмо возразил Нитур.

— Нет...

Летта напряжённо сражалась с относительностью времени, замедляя его ход для друзей, и не слышала начавшейся рядом перебранки. А если бы и могла, девушка непременно бы присоединилась к Нитуру и Анубису. Но всем её вниманием владело время, и Кали, не имея других оппонентов в споре, быстро отделалась от и так некрасноречивых друзей.

— Я пойду одна! — твёрдо настояла она. — Мы не можем упустить такой шанс. Сколько Вселенных осталось позади?

— Опасно иметь с ними дело — они сошли со своего пути!

— А кто из нас с него не сходил! — перебила возражение Кали. — Архонты — последняя возможность разыскать творцов, — настаивала она. — Вскоре мне придётся возвращаться в свою Солнечную систему, и не только из-за солнца. Как вы не понимаете, Летте не удастся бесконечно замедлять для нас дни. Я и так уже слишком долго отсутствую.

Друзья нехотя уступили.

Кали позволила своему разуму впустить тихий призыв Архонтов, и те, как маяк, начали притягивать сущность девушки. Теперь даже если бы она и передумала, энергия Архонтов, как липкая паутина, всё равно бы притянула её к ним. Постепенно Кали начинала терять физическую оболочку. Её сущность перетекала в невидимое пространство. Беспокойный Нитур вплотную подошёл к исчезающей девушке.

— Будь осторожна, — предупредил её он.

Его голос исчез, превращаясь в шёпот в голове Кали.

— Архонты стары, как само мироздание, и настолько же противоречивы, — тихо говорил Нитур. — Следи за своими мыслями, и, прошу тебя, меньше слов, меньше действий. Просто слушай и молчи.

Тело девушки полностью растворилось в пространстве, оставляя друзьям лишь едва заметный энергетический след. Он вёл всё на те же скопления планет, и, выждав минуту, Анубис и Нитур покинули физический мир, застыв между слоями пространства подле

дрейфующей системы. Оба чувствовали состояние Кали и были готовы оказаться рядом с ней в одно мгновение, но пока что мысли девушки оставались нейтральны.

Кали, как и советовал ей друг, старалась не думать. Удавалось ей это с большим трудом, ведь стоило ей вновь обрести телесную оболочку, как перед ней уже появился пейзаж неприглядной тёмной долины. Света на планетах было немного. Всё куталось в сумерки далёких звёзд. Источник тепла шёл из эпицентра скопления, и его хватало для поддержания уродливой жизни. Скалистые пыльные окраины лишь казались мёртвыми. Разум же девушки чувствовал в них кипучее движение. Во многих местах под тонкой, ненадёжной корой протекали тёплые океаны, давая пристанище слепым и зрячим монстрам этой планеты. Некоторые виды пробивались на поверхность, чтобы отложить кладку или разорить чужое гнездо. Были и существа, обитающие только наверху. Но, что отметила Кали, хоть те и уступали габаритами, будущее этой системы находилось именно в их когтях и лапах.

Первая встреча с наземными уродцами не заставила себя ждать. Рядом с девушкой находились два существа: тёмно-зелёное, членистоногое, размером с небольшой корабль, — огромный паразит гниющей планеты, и гораздо более скромное в размерах, благородное на вид, — трёхметровая птица, с красивым лазурно-серебристым окрасом хитиновых крыльев, но хищными, придирчивыми глазами. Она могла бы принять этих существ за обитателей дрейфующей системы. Мерзкое насекомое и, напротив, прекрасная, осанистая полуптица вписывались в колорит соединённых между собой глыб-планет. Но одного взгляда на них было достаточно, чтобы понять, перед кем на самом деле она оказалась.

Существа намеренно не обращали на неё внимания. Кали ждала. Внезапно паразит проявил небывалую для своей тучной комплекции ловкость, одним рывком вздымаясь вверх, где кружила хрупкая птица. Смертоносные присоски показали из его невесть откуда раскрывшегося рта, намертво вцепляясь в хрупкий бок жертве. Раздался короткий вой, заменяющий птице крик. Ошмётки хитинового тела театрально приземлились к самым ногам Кали.

Покончив с птицей, паразит ринулся в сторону девушки. Его массивное дурно воняющее тело перетекало через красно-чёрные валуны сумеречной пустыни. На долю секунды Кали дёрнулась, чтобы высвободить энергию, но в последний момент сдержала удар. Пока что ей удавалось не вмешиваться, и, похоже, паразиту это наскучило. Всего в паре шагов от неё он с содроганием необхватных телес остановился, обдавая Кали вонью гниющих наростов, лоскутками чешуи и собственной липкой бело-зелёной слизью.

— Как же это скучно! — раздался капризный, немного сиплый голос.

Недавно съеденная птица уже размашисто парила в воздухе.

— Оставь нашу невежду. Она совсем не умеет веселиться.

Птица села на спину паразита, но тут же взъерошенно взлетела обратно.

— Ты мерзок, Эллот! — брезгливо отряхивался Архонт.

Приземлившись рядом с Кали, он без слов продолжал разговаривать, обращаясь то к ней, то к товарищу.

— Сколько раз я уже просил его не уподобляться гельминтам. Мерзкие липкие твари! Гадость! Присосаться, пожрать и всё изгадить — больше ничего не умеют. Меня от всего этого мутит. Но нет же! Куда бы мы ни забрели, его интересуют только паразиты! А тебя, красавица моя, они привлекают?

Кали коротко отрицательно качнула головой.

— Гостья против, Эллот! Слышал? Давай прекращай этот вонючий маскарад! Ты

выставляешь нас крестинами! Снимай давай!

Сам Архонт, имени которого Кали пока не знала, незаметно принял иной облик. Девушка не была уверена, что он являлся его истинным, но в этом облики он более походил на представителя одной из высших рас Вселенных. Белая с синим отливом кожа, ровная, как шёлк, обтягивала практически тощее полуприкрытое тело Архонта. Рост его новой оболочки был выше Кали в два раза. Глаза, как и у многих могущественных существ, искрились энергией, отчего цвет их, без желания самого обладателя, разобрать было невозможно. Тонкие черты лица портили лишь чрезмерно выпирающие бугорки скул да острый подбородок, отчего остальные детали: выразительная линия рта, впалые щёки и глубоко посаженные глазницы попросту терялись.

Не зная как поступить, Кали неловко застыла в поклоне. Архонт же, демонстративно попинав паразита и заметив смущение девушки, мелкими шажками быстро подбежал к Кали.

— Ну что ты, деточка, — поднимая её, заговорил он, завидев в её поведении почти дурной тон. — Церемонии глупы. Зачем эти церемонии? Меня ты можешь называть Валлиэном, а это, — щёки Архонта затряслись от негодования, — это Эллот.

Коротким презрительным кивком Валлиэн указал на барахтавшегося в пыли паразита. Огромное, странное существо переваливалось со спины на живот, пытаясь счесать с себя остатки прошлогодней огрубелой чешуи. Из-под неё виднелась обновлённая, несуразно чистая ярко-зелёная кожа, но, о чём догадалась Кали, таковой ей посчастливится побыть не долго. Уж слишком паразит любил грязь.

— Не обращай на него внимание, милая. Он давно не в себе. Представь только, живёт как червь! — весело рассказывал Валлиэн. — Но что тут поделаешь — он мой брат.

Архонт понимающе закатил искрящиеся глаза к тёмному небу системы, и на мгновение Кали показалось, что они чернее черноты.

— Простите, что беспокою вас, Великий Архонт... — церемонно обратилась к нему Кали.

Валлиэн вновь её остановил.

— Прошу тебя, деточка, я терпеть не могу этих условностей. Кто и когда их вообще ввёл? — запричитал он. — Зови меня так, как я тебе уже сказал.

— Валлиэн, — неуверенно повторила Кали.

Архонт довольно кивнул.

— Ну и что ты об этом думаешь? — указывая на барахтавшегося брата, поинтересовался он.

Кали настороженно обернулась в сторону притихшего, довольно оголившего набитое пузо паразита. Сказать ей было нечего, да она и не хотела.

— Унылое зрелище. Мой бедный-бедный Эллот.

Интонация Архонта отчасти поддавалась меланхоличной грусти, но Кали так и не поняла, действительно ли он искренне переживал за товарища или хотел произвести на неё впечатление. Сама она собиралась задать вопрос, ради которого пришла. Валлиэн же, уловив её мысли, резко развернулся к гостье.

— А-а-а! — помахал он длинным пальцем. — Спрашивать будешь потом.

Кали опять запнулась, всё больше не понимая как себя вести.

— Так что ты думаешь? — настойчиво повторил он.

Валлиэн пристально и незаметно для самой гостьи следил за реакцией девушки, наслаждаясь её плохо прикрытой брезгливостью и растерянностью.

— Это... это странно, — ответила она.

— Я бы сказал — отвратно. С души прямо воротит. Бэ, — быстро поправил её Валлиэн. — А ведь он Архонт! Знаешь, что с ним случилось?

Кали промолчала.

— Нет? Не знаешь? Я так и думал, деточка... Я так и думал...

Пространство вокруг Кали напряглось и заколебалось, поддаваясь деформации со стороны Архонта. Не успев опомниться, оба они уже находились на другой планете, оставив паразита и дальше клубиться в пыли и своих испражнениях.

Новое место не так отталкивало внешне, хоть и здесь пейзажи не отличались приятными красками. Но в отличие от скалистых равнин, эта планета была изрыта глубокими огненно-красными каньонами. Архонт перенёс Кали на дно одного из каньонов, где у подножия стен виднелась пещера. Молча он поманил гостью за собой. Войдя вовнутрь, он предложил девушке вытесанный из такого же огненно-красного камня стул, сам уселся напротив. Скучная аскетичная обстановка в пещере была так же из камня, и лишь несколько вещей из инородного материала сродни пробковому дереву и дубу грубого чёрно-серого цвета, явно не из этой системы, валялись по углам.

Единственный свет в пещере исходил от самого Архонта — его искрящихся, больших глаз. И было в нём что-то такое странное и пугающее, что Кали поблёлкла, а её естественное красноватое свечение затухло. Только усевшись удобно и расправив помявшиеся складки накидки, Архонт вновь заговорил.

— Мне нравится, — как бы извиняясь, а может и с замаскированным вызовом, обводя рукой своё пристанище, сказал он.

Кали пробрала дрожь. Страх всё сильнее подбирался к её разуму. Страх, первобытный ужас и какая-то неуместная эйфория. Так действовал на неё Тёмный Кочевник, такие же эмоции в ней вызывал и его брат — этот Архонт.

— Тебе не стоит меня бояться, — спокойно, чарующим, сильным тембром возразил Валлиэн.

Но эти его слова, живо напомнившие ей первую встречу с Кочевником, ещё больше взволновали гостью.

— Прежде чем я коснусь сути, хочу заметить, что мне неприятно твоё недоверие. Я ведь просил, чтобы ты приходила одна, — глаза Архонта на мгновение немного потухли, после чего вспыхнули ещё ярче. — Ну да что уж с ними. Твои друзья нас не побеспокоят. И так, это мерзко, — без пояснения вернулся к оборванному разговору он. — Не только бедный мой братец прозябает, как червь. Ты многого не знаешь, деточка. Непростительно многого.

Кали поёрзала на твёрдом неудобном стуле, решаясь заговорить, но Архонт её опередил.

— Эта мойра такая славная. Славная, умненькая мойра.

Валлиэн, похоже, не следил за связностью своей речи, то и дело вставляя разные отступления.

— Вот я так не умею, — почти с интонацией ребенка добавил он.

Ещё немного, и он мог бы обиженно поджать губы.

— Надо же, как талантливо она плетёт свои нити времени. Я так не умею, — продолжал он. — А тебе известно, что мойры находятся на четыре ступени ниже Архонтов по происхождению?

Кали кивнула.

— Ага, — закивал в ответ Архонт, будто его гостья с ним не согласна. — Мойры — это

пятая и последняя раса, которая была создана творцами. Не возникла путём последующей естественной, неконтролируемой эволюции, а именно создана! Я настаиваю на последнем слове! С-о-з-д-а-н-а! — по буквам протянул Валлиэн.

— Архонты — исполины и главные кузнецы мироздания, — начал перечислять он, — Элементали — его духовная составляющая, Малахи — связующие звенья мироздания, раса Хаос — честно скажу, — доверительно склонился через стол к девушке Валлиэн, — до сих пор не дошло до меня, зачем их создали — только и умеют, что множить несуразицу, а потом долго наводить порядок, хех! И Мойры — неутомимые искусные ткачи пространства-времени, а также чужих судеб и посторонних, не касающихся их дел. Хех, — Валлиэн посмеялся своей далекой от истины нелепой характеристике.

— Так сказать, чистые расы, исходный генетический материал для всего живого в нашем мироздании. И неплохой, я тебя уверяю, материал!..

К чему он акцентировал и сподвигал внимание Кали, девушка не поняла.

— Погостишь у меня? — неожиданно спросил Архонт.

Кали дёрнулась как от удара.

— Да, — сдавленно согласилась она.

— Славно. Значит, мы никуда не спешим...

Импульсивная интонация Архонта, как встряска, действовала на девушку. Её гостеприимный хозяин сплетал вокруг них кокон. Кали вдруг поняла, что в таких энергетических коконах может происходить всё, что угодно, и это не войдёт в прошлое. Случившегося здесь никто и никогда не увидит! Догадка об этом привела её в такой ужас, что ей стало трудно дышать.

— Тише, деточка, — ласково успокаивал её Архонт.

Кокон был готов.

— А вот теперь будем говорить...

Дыхание минувших дней никогда не покидало планету Аккад. Тени пройденных эпох накладывались одна на другую, преломлялись светом и тьмой, прячась в забытых уголках большого синего шара. Но стоило путнику ступить в такие места, как тени отступали назад, являя глазам то, что не успело покрыться пылью времени. Современность так или иначе соприкасалась с историей, ранней, молодой, а иногда глубокой и задумчивой. Передовые достижения цивилизации граничили с невидимыми следами ушедшего прошлого, и сильнее всего этот контраст ощущался в Железных ущельях. Их разлогие хребты и глубокие впадины опоясывали север двух континентов, спускаясь в пучину океанов и вздымаясь лишь отдельными пиками островов посреди обширных водоёмов. Некогда, в пору первой и второй цивилизаций, когда климат на планете менялся гораздо чаще и стремительней, здесь, в такт погоде, поочерёдно менялись пустошь и страны. Страны, как грибы, произрастали с первыми погожими переменами, пустошь же приходила внезапно, холодными глыбами ледников, и надолго покрывала собой прекрасные цветущие земли. Великий же хребет гор продолжал тянуться к неподвластным ему небесам, равнины становились всё уже, а с каждым окончанием холодного периода пригодных мест для новых поселений оставалось всё меньше. И вскоре обитатели прошлых цивилизаций вовсе отказались от этих земель. То, что сберегла в них история и пощадила многовековая ядерная война, пылилось уже более шести миллионов лет — это остатки монолитных каменных городов прошлого, закалённые холодом и радиацией, сохранённые морозом. Большая часть из них была погребена древним, плотным

ледником, и лишь высокие шпили монументальных замков, да верхушки крепостей, как айсберги, кое-где оставались на поверхности.

Красивое седое напоминание времён, когда эра технологий ещё только-только зарождалась в развивающихся умах, а умелые и сильные руки являлись лучшим оружием и лучшим помощником в жизни. Мрачными сводами, пустыми, облупившимися бойницами, да крепкими, смеющимися векам в лицо стенами смотрело оно на переменчивый испуганный мир.

Гуляя по истоптанному, вылизанному ветрами камню этих пустынных чертогов, Хранитель Дильмун излишне печалился, что такое не оценённое наследие и богатство его предков, как и многое другое, было так беспечно растрачено или потеряно потомками. За те недели, что он и Эн-уру-гал провели здесь, найдя в этих стенах покой и убежище, Хранитель, между делами, а дел у него было немного, часто переходил из одного подземного замка в другой, спускался вглубь построек, в недра, окружённые ледниками, туда, куда не попал бы обычный смертный, и видел жизни, прошедшие здесь. Доблестные, смелые жизни, со страхом первооткрывателей и мужеством чистых сердец, с одним лишь калёным железом в руке против неизведанного и опасного будущего, и этому также стоило поучиться у жителей тех отпетых.

Ужасная ядерно-химическая катастрофа, ставшая апогеем второй цивилизации, не только изгнала жизнь из планеты на долгие миллионы лет. Она изменила многое, и некоторые её глубокие раны не зажили даже теперь. Если остальная часть Аккада, за исключением нескольких регионов, уже давно вновь подходила для жизни, то Железные ущелья навсегда впитали в себя гнилость радиации и химического оружия и до сих пор оставались практически мёртвым пристанищем для редких видов животных и птиц, столь же ужасных и столь же суровых, как и место их обитания. Хранитель же не находил их таковыми. Эта мутирующая жизнь также имела право на существование, и ему было жалко, что в не его власти сохранить им это право. Грядущие роковые перемены станут для этой планеты значительно большей катастрофой, чем ядерное заражение.

Особая атмосфера холодного пристанища и фатальные мысли навевали на Хранителя затворническую меланхолию, которая приводила к неосторожности. Дильмун часто забывал, что должен скрывать себя и Эн-уру-гала, и если бы не обширная аномальность этих гор, где затеряться было легче простого, их обоих, в лучшем случае, давно бы нашли другие члены братства. Пока же отравленные горы берегли своих друзей, искажая и путая их энергетический след.

Словно опомнившись от гнетущего сна, Хранитель встрепенулся. Отогнав от себя сдавливающие пустотой мёртвые стены очередного чертога, он вернулся к прерванному занятию. Несомненно, главной его заботой оставался молодой наследник, но и помимо этого, Дильмуну приходилось продолжать исполнять обязанности караульного — постоянно обшаривать пределы их галактики. Каждый день он отпускал свой внутренний взор к границам преграды, которую рабы их врага ещё не могли преодолеть, и каждый день он отмечал новые успехи противника. Чем ближе становились к ним Тёмный Кочевник и его вместилище, тем быстрее таяла невидимая мембрана, преграждающая путь его ордам в галактику. К тому же, рабы Кочевника не прекращали и сами пытаться пробиться вовнутрь. Выбрав несколько мест, они ежесекундно ломались в закрытые двери, и двери эти трещали, а за той преградой, как разъярённые бури, толпились армады войск и существа, каких илимам ещё не доводилось встречать.

Увиденное ещё сильнее смутило Хранителя. Спокойные дни Республики заканчивались быстрее, чем он надеялся, а их будущее по-прежнему оставалось туманным. Собрав полученную информацию в энергетический ком послания, он, как и прежде, отправил добытые сведения Красной Звезде. По приказу Илтим-Ти-Амтум Дильмун отправлял их ей постоянно. Ему не нужно было разыскивать свою госпожу. Где бы ни находилась Кали, послание найдет её, и лучшей путеводной ниточкой для того была цепь между ней и её солнцем.

Отпустив по ней очередное послание, Хранитель вернулся сознанием обратно. Первое, что он услышал, была не привычная тишина камня, а надрывный крик. Истошный, рвущийся рокотом плавленого перекованного металла и битого стекла, крик мог бы пронзить сердце. Хранитель же только устало вздохнул. Старик давно уже привык к этим воплям, и вызывали они в нём только сострадание.

Подготовившись к предстоящему, Хранитель быстро проследовал туда, откуда доносились мучительные звуки ослабшего голоса. По мере его приближения крик только нарастал, в нём всё отчётливее различались имена. Большинство из них Дильмун слышал и раньше, некоторые были новыми, но одно объединяло эти имена — они принадлежали покойникам. Едва приблизившись к выбранным им для проживания покоям в наполовину занесённой снегом башне, кричавший, почуявший его приближение, разразился руганью. Голос его хрипел и брюзжал гневом, витиеватые проклятия на всех мёртвых и живых языках сыпались щедрым потоком. Заглянув вовнутрь, Дильмун чудом увернулся от проржавелой рукоятки некогда богато и талантливо украшенного старинного меча.

Поняв, что словами тут не поможешь, Хранитель высвободил каплю энергии, которая вмиг утихомирила кричавшего. Только после этого он подошёл к обезумевшему наследнику. Эн-уру-гал валялся на холодной, оцарапанной его изломанными в кровь ногтями, каменной кладки, изодрав видавшую виды одежду в клочья и в очередной раз высвободившись из цепей, в которые сам же себя позволил заковать. Бессознательного, Хранитель вернул парня на место, восстановил изогнутые в ленты оковы, залечил телесные раны и хоть ненадолго избавил его от кошмара галлюцинаций, позволив мирно поспать. Впрочем, Дильмун знал, что с пробуждением всё повторится, как повторялось с того самого момента, когда Эн-уру-гал впервые попытался изгнать из себя энергетика Кочевника.

Очищение наследника давалось крайне трудно и болезненно. Темнота не спешила покидать парня и упорно боролась за его разум, за каждый уголок тёплого и податливого сознания, но постепенно Эн-уру-галу удавалось брать над ней верх. Правда, чем ближе была его победа, тем ужаснее становились испытания. Видения его поступков, его жертвы, его чёрные мысли мучили истощённого парня, ломали его суставы, рвали зубами плоть, увечили, но сильнее всего терзались совесть и вера наследника. Первая не могла простить ему жестоких убийств, вторая не могла забыть дорогих надежд прошлого, и до полного смирения ему предстояло вытерпеть ещё немало боли.

Посидев немного подле наследника, Хранитель поднялся. Вид едва живого парня мучил его не меньше, чем совесть мучила Эн-уру-гала. Онемевшие ноги сами повели Дильмуна в подземелья ледников. Выбрав ещё необследованные залы и просочившись в их глубины, там он и затерялся, пока очередной приступ парня вновь не прервал его отвлечённых дум.

Обуглившиеся, потемневшие от огня мощёные дорожки главной сокровищницы тёмной лентой петляли под ногами Бэара. Недавно получивший повышение уже бывший лейтенант, без ощущения тяжести, но с ноющим оцарапанным сердцем носил на своей груди нашивку предводителя, что эквивалентно адмиралу на флоте, перескочив через множество рангов и получив звание, которое при других обстоятельствах ему пришлось бы зарабатывать еще с десяток столетий, если и не всю жизнь.

Таковые нынче правила условия. Немало кто взлетел выше головы в эти дни, немало кто уже успел и неумело упасть. Бэар пока держался чинно и звания не марал, хоть и не заслужил его, но и отказываться не стал. С другой стороны, и отказываться было нелепо. Из всего командного состава телохранителей главной сокровищницы выжил лишь он один, оттого и вынужден был принять командование. Конечно, совет Хранителей мог бы назначить нового предводителя, перевести кого-то из других комплексов, но из-за непредсказуемых поворотов дальнейших событий оказалось проще, а главное — быстрее, повысить лейтенанта.

Из-за нового повышения, примерив на себя обязанности недавно погибшего отца, бывший лейтенант без сна и с приличной усталостью который день мотался как по другим сокровищницам Республики, так и по прежнему месту службы — Аккадской сокровищнице. Правда, прежней её уже нельзя было назвать. Главная сокровищница Сennaарского братства, хоть и являлась самой старой из ей подобных, давно перевалившей за черту солидного старчества длиной в полмиллиона лет, но, несмотря на годы, словно сражаясь со временем, никогда, до недавних дней, не выглядела на этот возраст. Напротив, Аккадская сокровищница, под стать молодящейся расцветающей весне, всегда пребывала в состоянии постоянного обновления. Любые инновации и открытия в первую очередь проходили через её стены, отражаясь и на неувядающем блеске комплекса. Здесь без соперничества соседствовали древние постройки и их современные отражения, устройства прошлого и технологии будущего. И всё это вместе только добавляло сокровищнице закоренелого очарования, подливая цемента в прочный фундамент её репутации. Многим, в том числе и Бэару, казалось, что подобный цемент если и не вечен, то способен удержать основу братства до тех пор, пока в нём есть нужда. Но на поверку оказалось, что и одной трещины достаточно для начала последовательного падения.

Подобной трещиной послужило недавнее вторжение. После молниеносного, беспощадного нашествия адайцев и еще более разрушающего сражения между пришельцами и армиями Республики от прежней страны, как и от главной сокровищницы, осталась от силы треть. От её же величия и того меньше. И дело было не только в разрухе, не в выжженных дочерна полях или раскрошенных в щебень зданиях. Не в уничтоженных артефактах главной сокровищницы, ведь помимо и этих уникальных богатств любая другая сокровищница Республики могла явить миру не менее уникальную диковинку. Истинная разруха оставалась невидимой от глаз и гнездилась она не на пустыре. Её место прочно и надолго обосновалось там, откуда выгнать её могло лишь время, — в мыслях.

Вот так, вместе с трещинами в простых, облупленных стенах появились и трещины в умах. Не каждый житель Республики это понимал, но практически каждый чувствовал, как в дыму и грязи этого вторжения затухала их короткая, не успевшая обрасти стенами и

идеалами четвёртая цивилизация, и где начинались берега следующей — пятой, — никто не знал.

Отголоски вторжения, неисчислимы потери, а затем и новость о глобальной эвакуации поразили паникой все системы Республики быстрее любого вируса. Утаивать правду от населения и дальше было преступно, да и как объяснить более тридцати миллиардам умов, что всем им предстоит бежать, покинуть свои дома? Даже часть оглашённой правды подняла волну мятежей, беспредела и страха. Опасаясь окончательного раскола, единый совет всех ветвей власти: военных, Хранителей и политиков приняли решение умолчать о грядущих катаклизмах, настоять на эвакуации, объяснив всё происходящее готовящимся повторным вторжением. Но далеко не глупое население страны восприняло новость неоднозначно. Для столь огромной структуры, которой являлась Республика, любое внутреннее потрясение давалось гораздо сложнее внешнего. Вера в непобедимую армию страны, как и в заступничество Сеннаарского братства, исчезла в корне. Некоторые системы, в особенности дальние, используя момент, во все рты начали кричать об автономии или даже выходе из состава Республики, не зная, насколько бессмысленны перспективы этих желаний. К тому же, выжидавшие своего часа недруги страны — вражеские системы галактики, — стоило последнему адайскому кораблю покинуть пределы Сеннаара, также окрысились, исподтишка атаковав истощённые рубежи.

Подобная обстановка хуже войны влияла на дела государства. Ценой внутренних стычек, ненужных смертей и неподъёмных растрат власть пыталась удержать контроль. В результате конфликтов две системы всё же оградилась от Республики, прервав любую связь с бывшим государством. Ресурсов и времени на возврат этих систем у власти не было. Ограничившись временными послами, страна была вынуждена приступить к главному — эвакуации. И, кто знает, как бы повернулось течение этого мероприятия, если б её участникам поведали всю правду.

Естественно, что одно незатейливое слово «эвакуация» уже навевало отчаяние, но в сочетании с «безвозвратная» оно было способно окончательно ввергнуть Республику в гражданскую войну и полное разрушение.

Безвозвратная эвакуация, проще говоря, побег — именно к этому Республика готовила всех, кого ещё могла согнать под свои изорванные знамёна. Пока данная сторона правды оставалась скрытой, у правящего режима ещё была возможность сохранить хотя бы осколки своей цивилизации.

Тем временем, окраины страны горели яростной междоусобицей за власть, кое-где уже провозглашали новых царьков, военных императоров, растаптывали прежнее, вздымали устои первобытных законов, превращаясь в далёких предков. Жестокое потрясение от нашествия адайцев и смерть практически трети всего населения страны сделали из её жителей диких варваров, продемонстрировав наглядно, как силён ход деградации и как скор возврат от светлого к звериному, когда рушится фундамент прежней жизни.

Запустившийся механизм саморазрушения было уже не остановить, и как бы это не печалило Сеннаарское братство, Хранители отступили, более не пытаясь достучаться до взбунтовавшихся систем. Помимо всех прочих забот, в краткие сроки им предстояло не только подготовиться к безвозвратному путешествию, но и позаботиться о наследии их народа. И пока действующая власть при помощи военных проводила формирование гражданских флотов, собирая вместе любые транспортные межгалактические суда и без видимого насилия заманивая на них население, Хранители, коим предписывалось

сопровождать эти флотилии, спешно выворачивали сокровищницы наизнанку. Тысячи припасённых артефактов и ещё не внедрённых в обиход технологий, значимых культурных ценностей ждали их рук в надежде, что их не забудут пылиться на какой-то из полок очередного Хранилища. Волокиты с закромами братства оказалось не меньше, чем со всей Республикой, а возможно и больше, хоть груз со всех сокровищниц вряд ли займёт и десяти тысяч кораблей. Но именно от этого груза будет зависеть основа новой цивилизации.

За каждую сокровищницу отвечал её старший Хранитель. Однако больше всего работы доставалось Верховному. В отсутствие Дильмуна и после смерти в пытках практически всех Хранителей главной сокровищницы ближе всего к этому статусу по иерархии оказалась Иллария. Именно она и поставила последнюю точку в повышении лейтенанта. Нельзя сказать, что за это он был ей благодарен. Боясь признаться в том себе, Бэар надеялся, что его просто оставят в стороне, но решение было принято спешно, без учёта его мнения, и уже на следующей неделе после вторжения адайцев бывший лейтенант, пропустив положенные торжества и пафос, принял присягу. А после короткого протокола очередной и последний командир главной сокровищницы уже занимался новыми обязанностями: наспех переводил рекрутов в телохранители, назначал новый командный состав, распределял полномочия, руководил зачисткой сокровищниц, утилизировал то, чему не нашлось пользы в предстоящем путешествии и с удвоенной ответственностью следил за тем, чему, напротив, полагалось покинуть эти стены навсегда — погрузкой сокровищ комплексов.

Из-за прошедших по Хранилищам главной сокровищницы адайцев задача в данном комплексе усложнялась в разы. Хоть многие артефакты и были перенесены на вражеские корабли ещё самими захватчиками, это не упростило работы Бэару, а лишь добавило. Большая часть гружёных транспортников была уничтожена. Кое-что неизбежно разбредлось по чужим рукам или осело в карманах Республики в суматошные часы освобождения комплекса. Остальное полностью или частично оставалось привалено грудями разрушенных Хранилищ. Извлечение смятых адайских кораблей на поверхность напоминало монотонные осторожные раскопки, а не спешные сборы. Ещё до начала этих работ и одного взгляда было достаточно, чтобы понять — из всего наследия главной сокровищницы уцелело не более пятой части, но когда дело подошло к концу, Бэар поделил ожидания ещё на два.

Сегодня заканчивался отведённый ему Верховным Хранителем срок. Командир не поспевал. Завалы подле взорвавшегося Хранилища, ставшего последним пристанищем его отца, были особенно трудны, и ни помощь республиканских военных, ни способности первых учеников не помогали справиться с ними вовремя. Возни тут оставалось ещё как минимум на сутки.

Пока телохранители скреблись в оставшиеся корабли, Бэар размашисто шагал вслед за на удивление быстрой поступью Хранителя.

— В остальных комплексах всё закончено... — тихо начал докладывать он.

— А в этом может и подождать, — прервала парня Иллария.

По её немногословности Бэар догадался, что Хранитель не в духе слушать ни его, ни чей либо ещё отчёт. Он почтительно отстал, подумав, что его присутствие лишнее, но Хранитель, не сбавив шагу, поманила его за собой.

Через несколько поворотов грязных покорёженных внутренних дорожек сокровищницы Бэар догадался, куда именно их выведет путь — к главному Хранилищу комплекса. Добравшись ко входу во двор постройки, Иллария свернула, подойдя к упавшему подле прохода адайскому кораблю. Остановившись рядом с двадцатиметровым истребителем, она

вопросительно молча указала на тот кивком головы.

— Ещё не решили, — ответил Бэар.

В ответ на его голос из-под плотной стали прокатился рёв, сменившийся противным царапаньем острых клинков по металлической поверхности.

— Тогда решение приму я, — шепнула Иллария.

Без усилий, она быстро выбила шлюз корабля и через мгновение, будто ожидая этого, из проёма появилась плотная чёрная масса, мягко спрыгнув на землю и так же мягко, перекачиваясь в беге и даже не взглянув на своих освободителей, шмыгнула за ближайшую стену.

— Зачем же вот так? — раздражённо спросил Бэар, наблюдая за удаляющейся пантерой. — Теперь возись со слезкой...

— Следить не надо! — возразила Иллария.

Бэар удивился.

Чёрная пантера, любимица Верховного Хранителя Дильмуна, после мясорубки с адайцами пролежала не живая не мёртвая больше месяца, потом чудом начала отходить и за последнюю неделю выздоровела окончательно, отчего огромного хищника, чтобы тот не убежал, закрыли на палубе ближайшего попавшегося под руку корабля. Сама пантера, ещё будучи ослабленной, постоянно куда-то рвалась, пыталась улизнуть. Хранители ждали её выздоровления, ибо догадывались, к кому именно поспешит хищник — к хозяину. Разыскать Дильмуна им так и не удалось, и пантера была последней, кто мог привести их к исчезнувшему Хранителю. Бэар подготовил слезку. Ожидал лишь прибытия всех старших Хранителей, которые и намеревались отпустить кошку ближе к вечеру, но неожиданный поступок Илларии всё испортил.

Опомнившись, Бэар быстро передал команду готовому звену.

— Отмени приказ, — настояла Хранитель.

— Вы знаете, к кому она пойдёт! — возмутился парень.

Иллария небрежно пожала плечами. Не дождавшись её ответа, Бэар недовольно дал отбой.

— Только вообрази, — отчуждённо заговорила Хранитель, — эта пантера родилась не в нашей Вселенной.

Бывший лейтенант, насупившись, молчал. Замашки Хранителей не вписывались в понятные ему правила военного устава, и сейчас парню было сложно под них подстроиться. Неудивительно, что его отец поседел раньше времени, находясь на службе этих философов. Иллария же, игнорируя вспыльчивость молодого командира, спокойно продолжала рассказ.

— Если верить Дильмуну, Звёздную Тень ему в качестве дара несколько жизней назад преподнесла наш Творец, и кошка эта только внешне подобна зверю. Но, поверь, за свои перерождения я встречала многих первых учеников, кто был значительно глупее её. Пантера очень умна. Умна не по нашим меркам. Управлять ею мы не способны — она из другой энергии и материи, нежели наш мир, заставить не в нашей власти — кошка скорее умрёт, чем поступит против воли, да и обмануть её также не получится — она видит всех насквозь. И это всё никак не хотят принять мои собратья.

— А Хранитель Дильмун?

— Я же говорю — умная она, — повторила Иллария. — Если б хотела, чтобы мы пошли вместе с ней, поверь, командир, ты бы и не очнулся, пошагал следом. А раз не хочет — значит, так надо.

Бэар только вздохнул устало. Долгие приготовления, и всё зря. Верховный Хранитель не затихала, перескакивая в своём рассказе с одного на другое, не заботясь, слушает ли её командир. Бэар же думал о том, что Илларию теперь придётся отвечать перед советом Хранителей, но, похоже, её это нисколько не заботило.

— Давай лучше поразмыслим, что нам делать с более глупыми созданиями? — неожиданно спросила она.

Утратив нить разговора, Бэар не решился отвечать, хотя Хранитель и так прочла его мысли.

— Республиканские посольства уже разосланы, все мало-мальски развитые структуры и страны галактики предупреждены. Кто способен обороняться — тот будет наготове. Это не их беда. Но, всё же, мы не могли оставить в неведении другие системы. Пусть подготовятся в силу своих возможностей либо затаятся. Что тут ещё предпримешь? Но меня волнует иное, — Иллария ненадолго замолчала.

— Что делать с теми, кто даже не услышит наших слов? — произнесла она. — Столько форм жизни, уникальных созданий, и я понятия не имею, как их уберечь.

Хранитель вновь вдалась в рассказы, Бэар же опять отвлёкся. Иллария не ждала от него ответов. Об этом он догадался и сам. Она просто нуждалась в слушателе. Всё же, доля сумасшествия после пыток поселилась и в ней, давая о себе знать подобными нелогическими рассуждениями. Прежняя Хранитель не поднимала бы подобных нелогических тем, осознавая их ненужность, но искалеченная внутренне Иллария нынешняя, напротив, всё чаще терзалась мучительными вопросами.

Внешне женщина выглядела молодо, хотя телохранитель знал, что это не так. В братстве она состояла уже второе тысячелетие и, так же, как и главная сокровищница, умела скрывать влияние времени. Но именно сейчас прожитые годы выпячивались наружу. Способности Хранителя позволяли ей оставаться юной, старость не касалась свежей кожи, нетронутых белизной седины волос. Но эта старость жила в глазах, и Бэар ещё никогда не видел их такими блёклыми. Ему стало жаль Хранителя.

— Все наши научные экспедиции в галактике и за её пределами завершены, но я запретила брать образцы, — тем временем рассказывала она. — Если этим формам жизни будет уготована смерть, не преступно ли с нашей стороны сохранить их вид в малом числе и поместить в иные условия? Тешиться ими и собственным самолюбием? Содержать, как в зверинцах?

— А что касается нас самих? — внезапно спросила она. — Не преступно ли покидать старый дом и обрекать новый на наше присутствие? Ведь, я уверена, в тех краях, которые ещё и не знают, что вскоре станут зваться домом, было, есть и будет гораздо лучше без нас...

Хранитель рассеянно замолчала. Заметив застывшего с озадаченным выражением лица Бэара, она, спохватившись, дёргано махнула в его сторону рукой.

— На сегодня ты мне не понадобишься. Заканчивайте с завалами.

Командир кивнул, зашагав с подворья главного Хранилища. Но, завернув за первую стену, Бэар остановился. Прислушавшись, он уловил обрывки фраз: Хранитель повторяла уже сказанное, снова и снова спрашивая обуглившиеся стены.

Усомнившись лишь на секунду, бывший лейтенант быстро вернулся обратно. Ничего не говоря, он порывисто обнял Илларию, а та, замолчав, неожиданно глупо и тихо разревелась.

Хвост последнего внешнего рукава галактики Антареса казался безжизненным и

мрачным. Сюда, как отработанный мусор, прибывало всё, что не нашло своего места внутри звёздных скоплений и туманностей: пыль, осколки, газ, остатки небесных тел, видимые и невидимые напоминания предшественников этой галактики. Мало какие процессы протекали на окраинах, мало какая жизнь в том или ином виде могла тут существовать. Пространства в рукаве с лихвой хватало для свободного полета, и Антарес не случайно выбрал его ради своих уроков. Солнечная система Красной Звезды не годилась для того, что он собирался втолковать Энлилю и Энки, пространство же за пределами его власти оставалось опасным из-за сближения с Кочевником.

Конечно, не находись его галактика под прямой угрозой, он увёл бы парней в открытый космос, показал бы им уникальные аномальные участки их мира. Антарес знал такие немногочисленные места, и они ему очень нравились. Антонимы сгустков притяжения — практически чистые, разреженные, где даже мельчайшие кирпичики мироздания попадались не так часто, как в обычной Вселенной. Творить в подобной обстановке всегда сродни новому холсту. Пустота безлика. Любой мазок в ней — первоизданен, не обременённый. Влияние окружающего мира на эти аномалии минимально, словно они находятся вне устоявшихся правил. И лучше места для того, чтобы помочь глупому разуму отказаться от этих правил, Антарес не находил. Сейчас же ему приходилось довольствоваться изрядно запятнанным полотном — окраиной своей галактики.

Как и предполагал Владыка галактики, первые результаты его новых учеников оказались совершенно никудышными, что, правда, нисколько не огорчало Антареса, и даже добавляло веселья. Он по-прежнему с долей негатива относился к перерождённым мутантам Кали, и их неудачи только подтверждали его вывод — всё должно идти своим чередом, в особенности эволюция разума и духа. Нельзя перешагнуть столько ступеней без ощутимых последствий. Невозможно так быстро ужиться со своим будущим «Я», своим грядущим практически идеальным прототипом. До любых высот, да ещё и таких завидных, приходится карабкаться по лестнице многих перерождений, ценой невообразимого, титанического усердия, постоянного труда, судьбоносных, решающих ошибок. Энлиль и Энки же получили всё в слишком короткие сроки. Неудивительно, что их умы бастовали, пребывали в постоянной нестабильности, физические оболочки сыпались как песчаные, а мысли взрывались сотнями орущих, незнакомых им голосов.

Оба они, разваливающиеся поминутно на части, теряющие обличье, форму, самих себя, напоминали Антаресу оголённый, натянутый нерв, на котором без конца и края брэнчал бесталаннейший музыкант, выводя своим смычком бредовые идеи и поступки. Очередной такой поступок даже Антаресу стоил его головы. Он задал им задание: всего-то мгновенно перенести объект из одной части галактики в другую, однако вместо этого, не справившись с высвобожденной энергией, парни расплыли не только себя и глыбу метеорита, но и зазевавшегося поблизости Антареса. Сам он в долю секунды восстановил привычное физическое тело. Друзьям же пришлось собирать свои частицы почти весь день.

Когда все трое вновь были готовы продолжать, Антарес перенёс их на поверхность дрейфующего сжатого нейтронного ядра давно затухшей звезды, которое вот-вот рисковало вылететь за пределы галактики. Воздействие гравитации, колоссальная скорость вращения и передвижения малогабаритной, радиусом в пятнадцать километров, сферы чуть было не расплыло его учеников вновь. Подстроившись под мёртвую сердцевину взорвавшегося гиганта, оба, всё же, смогли устоять. Антарес расстроено хмыкнул, ожидая совсем иного.

— Ну что ж? — подумав, заговорил он. — Возможно, я начал не с того. Вам не нужны

все основы. Что толку? Вы не в состоянии полностью понимать то, что делаете, не осознаёте, как вы это делаете. Вы слишком молоды для открывшегося вам ларца возможностей и шалите игрушками в нём, как глупые дети. Быть может, вместо десятков основополагающих уроков вам поможет один — главный, учащий тому, на что способна энергия.

Ненадолго замолчав, Владыка галактики начал терять физическую форму, преобразуясь в светящийся ком энергии. Её потоки плавно обволакивали пустынную плотную сферу. Всё произошло очень быстро. Ни Энлиль, ни Энки не заметили этого мягкого живительного перехода, но уже в следующее мгновение ядро под их ногами затерялось где-то очень глубоко внутри, обрастая горячей, вязкой мантией плазмы. Ещё неуловимый переход — появился свет, а за ним вздыбилось и растеклось ядовитое жёлтое сияние.

Друзья синхронно оторвались от поверхности невероятной возродившейся звезды, будто та могла навредить им. Лишь оказавшись за световой час от яркого титана, оба, не контролируя накатившей паники и испуга, вернулись к физической форме, материализуясь на ближайшем куске хлама.

— Сдались вам ваши тела!

Антарес нагнал их в миг, появившись рядом.

— Что вы к ним липнете? Из-за своих укоренившихся предрассудков вы пропускаете удивительную возможность.

Учитель заставил их обернуться к звезде.

— Многие ли могут похвастаться прогулкой по солнцу? — романтично заметил он.

Энтузиазм Владыки галактики остался неразделённым. Наблюдая за тем, как наёмники судорожно дышат и подрагивают от потрясения, Антарес вновь приободрился. Шокировать ему нравилось больше, чем угождать, но повторяющаяся канитель начинала уже раздражать гордого ментора.

— Это и есть твой урок? — глотая ненужную атмосферу карликовой планеты, прошипел Энлиль. — Заставить нас бояться?

Владыка галактики назидательно расправил плечи, удивляясь своему терпению.

— Во-первых, прекратите дышать. Мне казалось, что этот этап у вас уже пройден, — сдерживая желание прибить нерадивых учеников, заговорил он.

Переглянувшись, друзья лишь сейчас заметили, насколько сильно походили на себя прежних. Оба, подавив всплеск эмоций, успокоили мысли. Их физические оболочки вернулись к стабильности. Заметив это, Антарес скривился.

— Во-вторых, — его палец взлетел вверх, — не цепляйтесь за это.

Кисть пренебрежительно указала в сторону наёмников.

— Тело вам, по большому счёту, ни к чему, как и дыхание. Не связывайте себя с физическим воплощением. Оно не играет особой роли. В этом кроется ещё один минус вашей ускоренной эволюции. Вы стали практически совершенны, но думаете по-старому. Тут дело в привычке. Возможно, вы и сами начинаете это понимать, но всё равно ничего не можете с собой поделать, продолжая держаться за привычное, за известные вам догмы и правила. Одно из таких правил — у живого создания должно быть тело.

— Однако, — Антарес улыбнулся, — добро пожаловать в мою реальность! Для высших рас Вселенных тело — не более чем один из инструментов общения, осязания и познания. Сюда же я отношу и многие привычные вам вербальные и невербальные методы общения. Для подобных мне — это лишь удовольствие либо забава, на которые не должно уходить и

толики драгоценной энергии.

Вы, в свою очередь, подчиняясь привычке, продолжаете тратить слишком много усилий на то, чтобы сохранить свои физические оболочки, а потом, когда они, естественно, страдают от вашей тупости и нерасторопности, тратите ещё больше, чтобы собрать их заново: ищете себя, строите, испытываете адскую боль. Кстати, эта боль иллюзорна и надумана вами же.

Наёмники переглянулись, но Антарес не дал им вмешаться в разговор.

— Да, боль ненастоящая, — повторил он. — Нет ничего неприятного и тем более болезненного в построении физической оболочки. К тому же, для того чтобы воссоздать физическое воплощение, не нужен рассеянный материал. К слову, достаточно взять мысль и то, что есть под рукой, то, что поблизости.

В пример своих слов Антарес неожиданно разлетелся на частицы и так же быстро восстановился вновь.

— Я построил это тело, — его руки скользнули вдоль туловища, — из того, что оказалось рядом, а не собирал прежнее. И, опережая ваш вопрос, я по-прежнему остаюсь собой, даже если моё воплощение не состоит более из первичного материала. Как? — спросите вы.

Энлиль и Энки кивнули.

— Ничего противоречивого, — продолжил Антарес. — Я — это моя сущность. Прежде всего, мой разум и душа. Я — это величина неосязаемая и неизмеримая, она не имеет границ. Все остальное — будь то тело или любое иное обличье — лишь вместилище этой неосязаемой величины, моей сущности. Потеряй я хоть все свои обличья, хоть самое главное — свою галактику, я всё равно не потеряю самого себя.

— Кажется, я начинаю понимать... — прошептал Энлиль.

— Хвала тебе! — передразнил его Антарес. — Когда-то для вас главным казалось то, что осязаемо и трёхмерно. Теперь же ваша физическая оболочка не что иное, как очередная одежда, которую вы можете кроить, перекраивать, шить, перешивать, резать, выбрасывать и создавать до бесконечности часто. Тело — инструмент для разума, посредством которого воспринимается окружающий мир. И данный инструмент далеко не единственный из вам доступных. Была бы только энергия. Примите это. Попробуйте в следующий раз, когда ваше тело будет уничтожено, не гоняться за разбросанными остатками самих себя, а бросить их и воссоздаться из подручных средств. К тому же, вы можете быть практически кем и чем угодно. Я уже говорил вам, — главное преимущество, которое вам дала ваша эволюция — это свобода.

Владыка галактики ненадолго замолчал, собираясь с мыслями.

— Практически все высшие расы подчинены неким условностям...

Голос его стал тише, пока полностью не исчез, оставшись лишь в головах парней. Ладонь Антареса произвольно легла поверх его кулона с миниатюрной галактикой.

— Неким, я бы сказал, цепям, — добавил он.

— Я не утверждаю, что у вас нет границ, — вздохнув, продолжил Антарес. — Но у вас, по крайней мере, нет этих цепей.

Владыка галактики вновь умолк, погружившись в свои раздумья. Энлиль окликнул его, но их наставник отмолчался. Настроение его резко переменялось, что, впрочем, было для него не редкостью. Из бодрого и многословного лектора он опять превратился в ворчливого задиру.

— Если когда-то я и буду вспоминать эту жизнь, то вы точно займёте в ней самую нудную веху, — раздражённо выпалил он. — На чем мы прервались?!

— Ты говорил, что нам подвластно быть кем и чем угодно, — напомнил Энки. — Вот этого я не вполне понял.

— Почему меня это не изумляет? — съязвил Антарес, но взгляд его остался добрым.

Поворчав ещё немного, он опять прибег к словам, оставляя телепатию.

— И в-третьих, — позабыв про начатое перечисление, повторил Антарес. — Вы можете быть практически чем и кем угодно, если на то хватает вашей энергии. Тут важно, — Антарес заговорил медленнее, подчёркивая каждое слово, — когда вы хотите что-то сделать, к примеру, раздробить эту планету, на которой мы стоим, перенести что-то из одного место в другое, преобразить одно в другое или, скажем, — Владыка галактики обернулся в сторону находящегося вдалеке возрождённого им светила, — зажечь звезду, всё, что для этого требуется, это увидеть себя в будущем действии, стать им.

Вспомните, как сегодня вы облажались с метеоритом. Освобождённая вами энергия разорвала и его, и вас, а всё потому, что она потекла не в то русло. Вам не нужно было окутывать эту глыбу своей силой и тащить её, словно зверя на поводке. Куда ведь проще стать этим метеоритом, примерить его, как одежду, как ваше тело, и перенести его так же, как вы, хвала Создателям, научились телепортироваться. И таким образом вы можете поступать с практически любой живой и неживой материей.

Скажем, меня вам, да не настанет этот день, ещё не подчинить, — саркастично протянул Антарес, — но будут создания и существа, — продолжил он, — которые уступят вам право на их сущности, и ими вы также сумеете распорядиться как самими собой.

— Так это главный урок? То, на что способна энергия? — спросил Энлиль.

— Нет, — коротко ответил Антарес.

Он молча указал на оставленное ими светило, исчезая. После короткой запинки, Энлиль и Энки последовали за ним. Хоть оба и не испытывали теперь страха перед пылающей сферой, привычки всё равно ещё тянули их умы назад, в прошлое, и наёмники с опаской ступали поверх жидкой плазмы.

Антарес же, не удостоив волнения парней вниманием, продолжил прерванный разговор.

— Главное, на что способна энергия, — беззвучно начал он, — это то, что вы видите.

Владыка галактики повернулся вокруг своей оси, раскинув руки, указывая наёмникам на кишашую бурю вокруг.

— Звезды?

— Созидание, — ответил Антарес. — И...

Его фраза оборвалась замедленным коллапсом. Пространство искривилось от стремительной деформации, гравитация проворно дёрнулась в нужном направлении. Последовал ослепляющий взрыв сверхновой.

— ...Разрушение, — спокойно закончил Антарес.

Все трое вновь были на оставленной карликовой планете, наблюдая за распространяющейся вдали вспышкой.

— Созидание и Разрушение — две вехи одного целого, две стороны видоизменяющейся, перетекающей из одного в другое энергии, — неспешно подытоживал Антарес. — Научитесь применять их одновременно, управлять процессом перетекания энергии, изменять её — научитесь выживать. И тогда, глядишь, от вас действительно появится польза.

Владыка галактики скрытым зрением подсматривал за изумлённой реакцией его

учеников. Похоже, ему удалось зажечь не только звезду, но и своих попугачиков. Мысли у парней рвались к действию, и Антарес не стал их сдерживать

— А сейчас я хочу, чтобы вы разыскали и натаскали сюда как можно больше мёртвого хлама. — Владыка галактики оживлённо ухмыльнулся взбодрившимся наёмникам. — Только делайте это не по привычке, — поспешно добавил он. — Примеряйте на себя то, что собираетесь перенести, не волочите. Пока не овладеете этим приёмом и не отделаетесь от своих догм, будете отправляться к выбранным объектам сами. Позже вы сумеете переносить их, оставаясь на месте, отправляя только мыслеформу.

Энлиль и Энки послушно принялись выполнять поручение наставника. Через полчаса в окружении одинокой планеты скопилась приличная свалка космического мусора. Перетащив ещё одну нейтронную звезду и закрепив её в неестественном положении между сборищем метеоритов и затухающим белым карликом, друзья довольно уставились на учителя.

— Недостаточно! — подогнал их Антарес. — Давайте ещё!

Наёмники вновь покинули хвост галактики. Её Владыка нетерпеливо осматривал пополнения в несвойственной их миру свалке, где не уживающиеся в обычных условиях между собой объекты находились друг от друга всего в паре километров и не конкурировали при этом за власть. Намечающиеся наброски на подобном холсте предвещали неплохую затею, для которой теперь нечасто находилось время в нудных и тревожных днях Антареса.

Когда выбранный им участок был забит под потолок, он вернул наёмников обратно. Оба изрядно подрастратили силы, но Антарес не хотел ждать, пока Энлиль и Энки восстановятся. Поделившись с ними своей энергией, чего не делал прежде для них ни разу, хозяин галактики довольно огляделся.

— Будем Созидать и Разрушать? — поинтересовался Энки.

Антарес отрицательно повел головой.

— Будем творить!

Протяжное молчание заточенным камнем надрезало выдержку Кали. Терпение её было на исходе. Архонт внимательно любовался её жалкими и неумелыми попытками вырваться за пределы прочного сплетённого им энергетического кокона. Трогательная, радушная улыбка озаряла его лишённое непредсказуемой мимики лицо, когда его пронизательные угольно-горящие глаза устремлялись за метающей по замкнутому пространству Кали. В конце концов, у неё сдали нервы, и девушка начала звать друзей на помощь.

— Ну, деточка, — Валлиэн проворно оказался рядом, силой вернув Кали в её физическое обличье, после чего без церемоний усадил на твёрдый неудобный стул, — ну что ты тут разоралась? Устроила бабью истерику!

Кали попыталась исчезнуть, но вместо ожидаемого не смогла и пошевелиться.

— Давай-ка успокаивайся. Никто не собирается тебя обижать. Я просто не хочу, чтобы нас слышали. Ты ведь тоже этого не хочешь?

Великий Архонт вплотную склонился над девушкой, нависнув над ней подобно тёмно-синей, светящейся скале.

— Мало ли чьи уши тут бродят? — дружески пошутил он.

Его лицо уподобилось доброму. Кали же всё равно продолжала видеть в нём лишь угрозу. Это расстроило Архонта. Вернувшись на своё место, он отбросил шутливость, вновь становясь сдержанным и даже серьёзным.

— Скажу это лишь раз, — чеканно произнёс он. — От нашей встречи будет гораздо больше пользы именно мне. Мне! Я заинтересован в дальнейшем разговоре и его положительном исходе. Посему, не вижу никаких причин вести себя неадекватно.

Кали притихла, кое-как сделав вид, что успокоилась.

— Добавлю ещё больше, — заметив улучшения, продолжил Архонт, — я несказанно рад этой встрече, ибо я ждал её всю свою жизнь!

Последнее замечание Великого Архонта удивило Кали настолько, что та на время позабыла о страхе перед ним.

— Вижу, деточка, ты и этого не знала, — раздосадовано вздохнул Валлиэн. — Непростительно столь многого не знать. Похоже, прежде, чем мы затронем тему, из-за который ты и твои спутники так долго и безуспешно рыскали по мирам в поисках творцов, мне придётся поведать тебе несколько простых истин, помещённых в одну коротенькую историю. Глупо, наверное, спрашивать такую невежду, но я, всё-таки, спрошу.

Архонт неотрывно смотрел на Кали.

— Что ты можешь сказать о нашем мироздании?

Кали сжалась. Это был странный вопрос. Зачем Архонту слышать от неё описание модели их мироздания, когда он и сам прекрасно знал, как и что устроено. Однако, придирчивый взгляд Валлиэна заставил Кали отвечать и, не придумав ничего более разумного, она поспешно заговорила о мирах и измерениях, с каждым словом понимая, что ждали от неё совершенно иного.

— А одним словом? — перебил её Архонт. — Какое оно, мироздание?

— Неосязаемое? — предположила Кали.

— Нет.

— Непостижимое?

Архонт скривился.

— Иррациональное? — тихо выдавила она.

— Вот это уже ближе, — смилостивившись, согласился Валлиэн. — Но я бы предпочёл более поэтичное слово.

— Наше мироздание — несовершенно, — ответил за Илтим он. — Также можно сказать, что оно кустарно, уродливо, неправильно. Выбирай, что хочешь, вывод один — мы существуем в рамках изначально дефектно построенного дома, и эти дефекты всё чаще дают о себе знать. А теперь, когда оба мы сошлись в едином мнении о нашем общем доме, я, пожалуй, начну свой рассказ.

Архонт поднялся и плавно зашагал по неуютной пещере. Места в ней для его габаритов оказалось совершенно недостаточно, но это не сказывалось на движениях Валлиэна. Помещение подстраивалось под своего владельца, расширяясь, как живая субстанция, когда тот, не обращая внимания на стены, хотел пройти дальше или, игнорируя потолок, вытягивался в полный рост. Его неспешные тихие шаги как гипноз невзначай успокоили Кали, и до той поры, пока он вновь заговорил, девушка не заметила или не смогла заметить, как полностью перестала бояться.

— Прежде мне надлежит тебя огорчить, — неспешно начал Архонт, — ты никогда не найдёшь Создателей. Не найдёшь их по той простой причине, что в нашем мироздании более не осталось творцов. Всё, что с ними связано, те обрывки следов, по которым вы шли, относятся лишь к зарождению первых миров и, если мне не изменяет память, а она не изменяет, на семидесятый световой миллиард год от начала существования мироздания они покинули нас окончательно. С тех пор моя раса была и остается главенствующей в доступных нам измерениях.

Кали растеряно отвернулась. То, о чём она догадывалась и раньше, подтверждалось в речах Архонта. Весь её путь оказался напрасным.

— Я бы не был столь спешным в подобных суждениях, — заметив, что гостья поникла, молвил Валлиэн. — Удивительное во всей этой запутанной истории именно то, что тебе вовсе не следовало никого искать.

Девушка посмотрела на Архонта.

— Все, что тебе нужно, и без того уже долгие жизни находилось рядом.

Архонт неотрывно уставился на гостью, пока Кали машинально не потянулась к кулону с осколком.

— Ага, значит, он у тебя на шее! — радостно уточнил Валлиэн.

Незаметно Архонт вновь оказался рядом. Его массивные тонкие кисти потянулись к оправе, но коснулись лишь пустоты. Повертев немного незатейливый кулон, он с минуту придирчиво всматривался вовнутрь, но, так ничего и не нащупав, медленно вернулся за стол.

— Щемящее чувство, противно знать, что осколок рядом и всё равно не иметь возможности дотронуться, увидеть его, — разочаровано заговорил Архонт.

— С чего такая честь выпала тебе? — почти беззвучно шепнул он.

Отвечать девушке не пришлось. Валлиэн отвернулся и, к облегчению Кали, почти до самого окончания рассказа более не смотрел в её сторону.

— Наше мироздание немолодо, даже дряхло, — уверенно заговорил он, — и я не стану обличать его в недостойные мерки неких величин и цифр, ибо ещё ни одна зародившаяся в нём раса не постигла его истинных масштабов, возраста и границ. Достаточно знать, что существует оно гораздо дольше тебя и всех, кого ты знала.

— Архонты — практически ровесники Начала, — продолжал Валлиэн. — Нас создали еще до закладки фундамента первого мира. Первое, что увидел и ощутил наш разум, была Пустота. Вряд ли ты можешь представить себе, что есть настоящая безликость ещё не родившегося мироздания, тот трепет, который вызывает Начало. Осознание скорого старта, ответственного, безопытного для нас, а мы ведь так молоды, мы лишь юные дети Пустоты. Нам бы самим только расти, развиваться, совершать глупости юности. Но ясли наших душ обошлись без родительской руки. Их никто не покачивал. Создатели не дали нам прочувствовать детства, состояться как личности, познать себя духовно. Едва нас сотворили, к нам начали относиться как ко взрослым, будто наши умы и души уже повидали столько же, сколько успели поведать творцы. Сейчас я понимаю, что Создатели были не правы, отведя пусть сильным, но неопытным чадам такую важную и ответственную роль.

Так мы стали строителями будущего.

Все основные работы оказались у нас на поруках, в то время, когда Создатели оставались при нас архитекторами. Вместе нами были положены основы основ, в соответствии с которыми и существует известное тебе мироздание со всеми его Вселенными и измерениями.

Трудно подсчитать, сколько усилий, энергии и времени ушло на воплощение замыслов Создателей. Их единый разум придумал несомненно величественную структуру, простую в своей сложности, понятную и в то же время музыкально-хаотичную.

Глаза Архонта вспыхнули от воспоминаний.

— О!!! — воскликнул он. — Что это была за чарующая души мелодия! Как равномерно и осознанно она занимала скованную Пустоту, растекаясь от истоков Начала нашего общего разума. Какие свершения сулила! Что за пределов могла достигнуть?!

Застыв в немом порыве, Валлиэн постепенно унял сияние. Глаза Архонта опять стали тусклыми. По-прежнему не смотря на свою гостью, он, ссутулившись, облокотился на затёртый стол.

— А потом, деточка... — тихо продолжил он. — Потом что-то точно пошло не так...

Голос его утратил эмоциональную окраску.

— Неизвестно, где именно поселился изначальный изъян, — рассказывал Валлиэн, — неизвестно, чей это был просчет — наш, Архонтов, или их, Создателей. Кто в чём и когда допустил необратимую ошибку, мы так и не узнали. Впрочем, это уже не играло никакой роли. Несовершенство было укоренено и подобно прогрессии стало плодиться на просторах, казалось бы, идеального мироздания. Первые его проявления оставались незначительными — еле слышные фальшивые тихие нотки в общей картине прекрасной мелодии: то там случится аномалия, то тут. Но когда масштаб коррозии разросся, и из неё полезли опухоли-миры, участились аномальные рождения Вселенных, странные коллапсы, появление гибридной неподвластной нам материи и энергии, изменения в строении пространства-времени, утрата контроля над прошлым, невозможность влиять на то, что свершилось и многое другое, мы вынуждены были взглянуть правде в лицо. И эта правда стоила моей расе многого.

Не думаю, что Создатели возложили всю вину именно на Архонтов. Кстати, к тому времени ими были созданы и остальные четыре главенствующие расы, в том числе и Мойры. К ним дело также не имеет отношения.

С той проклятой и никем не найденной ошибки изменилось их отношение к нам. Более творцы не рассматривали нашу расу в качестве помощников. Как ты уже догадалась, они

уши, мы — остались. Хоть до того печального изъяна нам предрекалось следовать по пятам за своими Создателями. Однако, наше так и не начавшееся путешествие закончилось именно в этом несовершенном мироздании.

Архонт ненадолго притих, обдумывая следующие слова.

— Это начало истории, — вернулся к рассказу он. — И оно не является какой-то большой тайной. Но существует и продолжение, уже оно известно далеко не многим. Точнее сказать, только Архонтам.

Поразмыслив ещё немного, Валлиэн начал загибать пальцы. Когда пять были загнуты, он протянул ладонь в сторону Кали.

— Всего пять сотен с небольшим — такова численность моего народа, — произнёс он. — Будучи строителями миров, мы, одновременно, являлись и первой формой жизни в новом мироздании. Но наше единоличное правление длилось недолго. Когда были созданы остальные четыре расы, через несколько десятков миллиардов лет в молодых мирах уже зарождалась самовольная материя жизни — первичные формы — зачатки высших форм, потом появилась посредственность, смешение этой посредственности, мутация, мутация, вновь проклятая мутация, вырождение с примесью эволюции, а в итоге — смертное, примитивное подобие нам. И, в какой-то степени, все вы, любой вид, существующий, вымерший или ещё не взошедший на арену жизни, — являетесь частичным отражением нас самих: Архонтов, Элементалей, Малахов, Хаос и Мойр. Но суть не в этом.

Когда Создатели окончательно приняли факт провального строительства, первая их реакция была сокрушительной — полное уничтожение. Они намеревались стереть всё, что с усердием и трудом делали мы — Архонты, уничтожив несовершенное мироздание. Хотели ли они при этом обратить в Пустоту и нас, я не знаю, но не мы послужили той причиной, которая заставила их передумать. В последние годы перед своим уходом Создатели и вовсе отстранились от нас. Они дичились своего первого творения, а быть может, и усматривали главный изъян именно в нас — Архонтах. Как бы там ни было, каждый из нас продолжил выполнять своё предназначение.

Причина же, пробудившая в них милосердие, крылась в Жизни. Желание стереть мироздание отступило, и всё из-за того, что миры более не были мертвы. Твоя раса, естественно, тогда ещё не существовала, да и вообще ни одна самозародившаяся раса, если брать её в том виде, к которому мы привыкли, ещё не существовала. Просто появился первый след жизни, её кокон, можно так сказать, и эта жизнь выходила на свет, осваивала тьму, впитывала вечную материю, воплощалась в первые сущности.

Вселенные более не были безмолвны. В них проснулся разум. Разум, способный творить свои собственные реальности, пусть и аномальные, дефектные, но по-своему неподражаемые, что не могло не впечатлить Создателей.

После долгих споров, творцы дали им шанс. Мироздание осталось. Но их милость не отразилась на изъяне. Наше творение, как и ранее, так и сейчас остается неправильным.

Архонт потёр лоб, будто силился что-то вспомнить.

— Прощание, помнится, не заладилось. Наши творцы навсегда покинули свою ошибку, оставили это мироздание, прочно закрывая его от других ещё не построенных структур. Нам, их прямым наследникам, указывалось идти проложенными ими дорогами, делать то, для чего каждый из нас был рождён. Совестно, конечно, но, как и я, большая часть Архонтов сошла с этих дорог, кое-кто и вовсе тронулся умом. Оттого несовершенство строения ещё больше дало о себе знать. Появились новые аномалии, к которым, в том числе, ты можешь

отнести моего ближайшего друга Эллота и известного тебе Архонта — Тёмного Кочевника.

Да, Создатели бросили нас. Оставили, прекрасно зная, что когда-то все доступные нам миры захлебнутся в одном сплошном коллапсе мутации. А теперь всё моё предчувствие, любая нить внутренней энергии говорит мне, что этот час не так уж далёк. Каждая Вселенная уже хоть на мизерную долю, но выбивается за пределы положенных в её основу законов. Основа мироздания сыпется, тает миражным облаком, а ей на смену постепенно приходит не то, что неуправляемая, но и до конца не понятная антиоснова. В итоге, всего через несколько циклов длиной в жизнь одного среднего мирка мы получим бесконечное мироздание, заключённое в непрерывной прогрессии разрушения. Всё, к чему ты привыкла, будет изменено, измерения наложатся друг на друга, границы сотрутся, целые миры будут сталкиваться, наслаиваться, пространство разорвёт время, а время, быть может, покинет пространство. И погрузится всё в единую противоречивую застывшую, забитую доверху Пустоту, вязкую и гнилую. Это незавидный финал, поверь мне, деточка. Творцы предвидели его.

Архонт слегка повернулся к Кали.

— С этого места начинается история самого осколка.

Валлиэн с тоской посмотрел на пустую оправу.

— Какой он? — неожиданно спросил Архонт. — Прекрасный?

Изящная статья исполина приосанилась, взгляд невольно разгорелся.

— Он безупречен? Венец всего прекрасного? — быстро заговорил Валлиэн. — О-о-о, наверняка носитель подобен застывшей в камне непогрешимости. Ну же, опиши его! — потребовал он.

Кали неохотно поднесла камень к лицу. Перед ней на ладони едва заметно поблёскивал мутный неровный кристалл, лишённый и сотой доли тех похвал, что ему даровал Архонт.

— Он... — неуверенно начала девушка, — ... он мутный.

— Так? — подгонял её Архонт.

— И... кривой.

— Кривой? — с досадой молвил хозяин пещеры.

— И... обычный...

— Хм. Обычный, — окончательно погрузнев, повторил Валлиэн.

— И...

— Достаточно, — остановил девушку Архонт. — Ждал большего, признаться. Мне отчего-то носитель всегда представлялся идеальным.

Архонт внезапно заулыбался сам себе.

— Неплохая ирония, деточка, — повеселел он, — оставить несовершенному творению несовершенный подарок!

Кали попыталась вставить вопрос, но Валлиэн оживлённо замахал руками.

— Тише, тише! — запричитал он. — Будь добра, сиди молча! Тебе не понять, как долго я не говорил об этом. Как давно моей памяти не касались эти воспоминания!

Его гостья явно не поняла возмущений Архонта. Сам же Валлиэн, успокоившись, немного помолчал. Вернув в свой голос спокойствие, он заново повязал нити порвавшегося рассказа.

— ...И вот что нам было оставлено, — продолжал Архонт. — Несколько заветов да этот осколок. Догадываюсь, что до сегодняшнего часа тебе удавалось лишь строить бредовые

предположения о происхождении твоей находки. Но каким-то образом ты, впрочем, дошла до вывода, что носитель мог принадлежать Создателям. На этом, милая, твои успехи и заканчиваются.

— Осколок — наше спасение, — шёпотом произнёс Архонт. — Он есть творение единого разума всех Создателей.

— Уходя, напоследок, дабы дать этому мирозданию не только надежду, ими был выточен не имеющий аналогов кристалл-носитель. И, так как наши Создатели помиловали свою ошибку, каждый из них внёс свою частичку в исправление несовершенства. Их единый разум воссоединился, дабы поместить рецепт исцеления внутри данного носителя. В результате, осколок впитал в себя знания, большинство из которых доступны исключительно только Создателям.

После оттачивания всех его внутренних граней, творцы явили нам свой последний дар. Естественно, никто из нас его не увидел и не почувствовал. Нам пришлось просто поверить в его существование. И некоторые из нас действительно поверили, посвятив поискам всю последующую жизнь.

Изначально о самом носителе мы знали мало, лишь мизер, да и тот напоминал седое предсказание. Создав кристалл и наполнив его сакральными познаниями, творцы оставили наши миры, обронив на прощание несколько фраз.

Глаза Архонта закатились, словно тот копировал повадки давно ушедших теней Создателей.

— Осколок слеп, говорили они, — повторял басистым голосом Валлиэн, — осколок мудр. И не явится он, пока не поймёт, что ошибка достойна спасения. А коли явится, обретший его сумеет посеять зерно, из которого и произрастёт...

— Ничего такого я не сеяла, — непочтительно прервала его Кали.

Валлиэн неприятно дёрнулся и собирался уже отчитать гостью, но Кали его опередила.

— Вопрос, ради которого я разыскивала творцов, никак не связан с осколком! — быстро заговорила она.

— Кочевник? — догадавшись, спросил Архонт.

Девушка кивнула.

— Нет мне дела до притчей и рассказов, — излишне гневно продолжила Кали. — Время беспощадно ко мне, и я не могу растрчивать его, зная, что всё равно не найду искомого!

Кали резко поднялась. Страх в ней по-прежнему не было. Не успев удивиться своей смелости, она потребовала от Архонта, чтобы тот снял энергетический кокон. Выждав немного, Валлиэн равнодушно потёр длинные пальцы.

— Ох, не люблю я этого, милая, — мрачно произнёс он.

Его гостья внимательно взглянула на Архонта. Свечение от него практически истощилось, потускнело, а вслед за ним в черноту погрузились не только глаза Валлиэна, но и невзрачная пещера. Здесь бы самое время вновь вспомнить о здравом смысле, хотя бы отчасти проникнуться подступившим к душе животным страхом, к которому её толкал Архонт, однако Кали опять ничего не заметила. Не заметила она и того, как тонкие, бесцветные нити чужого разума всё сильнее сплетались в её душе, притупляя инстинкты. Через минуту молчания ей совершенно перехотелось не только бояться, но и возмущаться или что-то требовать, лишь чувство замутнённой тревоги где-то глубоко внутри отдавало слабым, незамеченным импульсом.

— Простите мне моё поведение, Великий Архонт, — покорно выговорила Кали.

— Не люблю я повторяться, — тем временем заметил Валлиэн.

В очередной раз девушка молча вернулась на указанное ей место.

— Я ведь говорил тебе, — нащёптывал он. — Всё, что тебе нужно, всегда было и есть с тобой.

Горящие темнотой глаза проникли в самую сердцевину разума Кали, практически беспрепятственно разгуливая в мыслях девушки. Поймав одну из них, Валлиэн с трудом рассмотрел смутное очертание осколка, его истинный вид. В этот момент Кали ощутила неестественную тяжесть носителя, будто тот невзначай прибавил пару килограммов. Крепко зажав кристалл в ладони, она потянулась в сторону Архонта.

— И как это поможет мне? — почти чужим голосом шепнула она.

Архонт самодовольно растянулся на каменном стуле, меняя под себя неказистую мебель и полностью утопая во внезапно появившемся высоком кресле.

— Сам осколок — никак, — снисходительно ответил он. — А вот то, что в нём...

Валлиэн встрепенулся.

— Что я тут пытаюсь растолмачить, деточка? — не мигая, затараторил он. — Единый разум Создателей заключён в этом камушке! Ну же, думай!

На этот раз Кали не пришлось гадать с ответом.

— Там есть ответ, как помешать Тёмному Кочевнику! — возбуждённо вскрикнула она.

Архонт всплеснул руками.

— Ну вот!

Правда, радость его гостя длилась ещё меньше, чем время, понадобившееся ей для поиска ответа. Через мгновение Кали была уже серьёзна.

— Но его не увидеть, — добавила она.

Валлиэн требовательно взглянул на девушку.

— На данный момент мне доступна только часть зашифрованной информации, скрытой в носителе, — пояснила она. — И я не представляю, что за сила нужна, чтобы добраться до остальной.

— Ты имеешь в виду, что знания скрыты от тебя?

— Всё, кроме поверхности.

— Странно... — задумчиво протянул Валлиэн. — А поверхность?

— Эти грани также открылись не сразу, — подумав, ответила Кали. — Извлечение происходило постепенно.

— Значит, когда-нибудь придёт время и глубинных граней, — предположил Архонт.

— Но времени как раз и нет! — напомнила Кали.

— Странно, странно... — меланхолично забубнил себе под нос Валлиэн. — А ведь в самом начале нашей беседы я убеждал тебя, что именно мне будет больше прока от нашей встречи.

— Жаль вас разочаровывать.

— Нисколько, милая! — поспешно прервал Кали Архонт. — Моя выгода всё ещё блещет — кристалл найден и, несмотря на то, что ты хочешь использовать его несколько иначе, чем завещали Создатели, я всё равно готов предложить тебе помощь и союзничество. Быть может, разобравшись с первоочередными своими проблемами, ты запустишь реакцию, о которой нам говорили творцы, и эта панацея, в конце концов, излечит не только наше мироздание или меня, но и моего бедного брата Эллота.

Кали изучающе посмотрела на Архонта, после чего на её устах мелькнула короткая

улыбка.

— При всём моём уважении, Великий Архонт, но я сомневаюсь, что даже вашей энергии окажется достаточно, чтобы пробиться внутрь носителя.

Валлиэн несколько не смутился.

— Нет, конечно. Не достаточно, — утвердительно ответил он.

Архонт медленно повертел головой

— Засиделись мы с тобой, — товарищески заметил он.

Размяв шею, Валлиэн принялся за плечи. Вслед за его движениями к его телу начали сползаться невидимые змейки энергетического кокона. Кали видела, как слой за слоем снимается поставленная Архонтом преграда. Когда последний слой стал практически прозрачным, Валлиэн остановился.

Стараясь не выдать себя, Кали аккуратно попробовала защиту на прочность. Убедившись, что сможет проскользнуть сквозь неё, девушка высвободила силу, вырываясь наружу.

Первое, что она хотела, это найти и успокоить друзей. Кто знает, что уже натворили её спутники, когда поняли, что с ней стало. Но, освободившись, девушка онемела. Мысли её сбились и закопошились от всестороннего напора. Казалось, что с каждой стороны на неё давит сгусток энергии, эквивалентный энергии десятков тысяч её светил. Невидимая субстанция раскаляла слои пространства, искривляла его, и из-за этого в нём трудно было разобрать движение. Кали удалось заметить чьи-то фигуры, столпившиеся возле входа в пещеру.

Окутанный такой же аурой энергии, подле неё возник Валлиэн.

— Но кто сказал, что я один? — слегка напыщенно произнёс он.

Кали же и вовсе потеряла дар речи. Подобного ей ещё не приходилось даже воображать. Чистая, исполинская сила протекала рядом, будоражила огнём мысли. Близость её наполняла вдохновением и ужасом.

— Пришли немногие, — между тем буднично говорил Валлиэн. — Только сто восемнадцать Архонтов. Ещё двадцать Элементалей, до десяти Хаос, Малахов. Мойры отказались. Более я никого не нашёл, а некоторых и искать не стал.

Процессия из представителей первых высших рас Жизни неспешно последовала в пещеру. Кали не успела сообразить, как все эти титаны расположатся в каменном мешке, не разорвав каньон, если, по сути, и одной десятой процента их общего потенциала было достаточно для сокрушения всей системы планет. Пока её ум лихорадочно метался, натываясь на вспышки энергии, Валлиэн склонился.

— Мы дадим тебе свою власть, — зашептал он. — Столько, сколько потребуется. Возьми её, и ты расколешь носитель, как скорлупу...

Словно в полусне, Кали слушала его опьяняющие слова. Соблазн власти неосознанно влёл её вслед за вошедшими во мрак пещеры титанами. Где-то на другой стороне её сознания невнятно гомонили голоса друзей. Она не могла разобрать сказанного Нитуром и Анубисом. Только интонация обрывистой речи не давала ей полностью отключиться и вернуться по ту сторону кокона. Призыв друзей перевесил, и Кали встрепенулась.

Поспешно шагнув от Валлиэна, она отрицательно повела подбородком.

— Нет!

— Нет? — удивлённо переспросил Архонт. — Ты отказываешься от единственной возможности спастись? Милая, это глупо! — Валлиэн грубо продолжил. — Отказавшись

взломать носитель, ты обречешь его, а затем и проиграешь Кочевнику. И когда он получит осколок, а он его получит, не сомневайся, Кочевник не станет с ним церемониться. Неужели ты допустишь, чтобы заветы наших Создателей достались ему?! Ты хоть представляешь, что он сделает, когда окупнется в такие знания?!

— Я уверена, что осколок неспроста дозирует скрытую в себе информацию, — попыталась оправдаться Кали. — Что, если мы пойдём против правил, насильно открыв всё остальное?

— Приди в себя! — прервав её, крикнул Валлиэн. — Тех, кто писал эти правила, нет! Они бросили нас!

Интонация Архонта оборвалась громом. Он порывисто встряхнулся, пытаясь успокоиться.

— Дело твоё, милая, — всё ещё зло и нетерпеливо выдал он. — Знаю, осколок не даст нам тобой манипулировать. Знаю, даже всем нам не заставить тебя насильно принять нашу энергию и открыть его. Удивительно, но носитель не станет подчиняться и сотне Архонтов. Но, учти, что и вместе взятые, мы всё равно слабее Кочевника. И его силы окажется достаточно. Со временем он его подчинит. Из-за всё того же осколка мы не можем манипулировать и тобой. Прости меня, деточка, я пытался, но ничего, кроме небольших успехов, не достиг. Носитель словно охраняет ту часть тебя, что связана с ним. Но от Кочевника он тебя не убержёт!

Выбор твой невелик, как видишь. Только его секреты способны дать плоды. Ты должна их извлечь! — настаивал Валлиэн. — Ради своего будущего! Ради будущего затухающих миров...

Увидев смятение и разочарование в позе Архонта, Кали не знала, что добавить. Требовательность исполина подгоняла её к решению, но из себя она смогла выдать лишь неопределённое обещание.

— Мне нужно подумать.

Ответ не смягчил Великого Архонта. Кали показалось, что он только подмешал в его внешность нотку презрения и ещё чего-то. Девушка не успела уловить призрачную мимику Валлиэна. Тот, отвернувшись, сгорбленно скрылся в пещере.

— Думай и приходи... — рвано бросил он.

Кали осталась одна. Пустая чёрная пасть прохода с укором посматривала на неблагодарную гостью. Растерявшись от неожиданного предложения Архонта, девушка насмешливо погрозила темноте рукой, а темнота, как ей почудилось, ответила тем же.

Постояв подле пещеры ещё немного, Кали отправилась к друзьям.

Чёрная дыра филигранно дрейфовала сквозь рассадники надоедливых галактик. Учитывая её колоссальные габариты, рулевой, направляющий этого объёмного, прожорливого монстра, мог назвать бы себя мастером сложных виражей. Тёмный Кочевник старательно огибал препятствия. Предпоследний мир между ним и Вселенной Красной Звезды плотной массой растекался на его пути. Это было не в пользу Владыки. Если его вместилище подойдёт достаточно близко к скоплениям материи, столкновения ему не миновать. А где столкновение, там и пиршество. Чего уж точно хотел избежать Кочевник, так это возни. Поэтому, быть может, впервые за годы его второго обличия уникальные системы, попадая ему под ноги, оставались нетронутыми. Впрочем, Владыка помечал понравившихся фаворитов, обещая себе вернуться.

Сейчас же, всё, что его манило, — это смутный отблеск отдалённого мира, в слоях которого паникой и ужасом дышала спиральная галактика Антареса.

Сознание Архонта расцвело буйными красками предвкушения. По меркам системы Красной Звезды, его странствиям отводилось ещё около двадцати дней. Сущий пустяк, но Кочевник не мог подогнать проклятые секунды отбивать свой ритм быстрее. Мерно, не слушая Владыку, те тараторили привычный такт, не реагируя на попытки Архонта ещё сильнее искривить пространство-время.

Непоседливость Кочевника, как юного мальчишку, гоняла его разум между своим вместилищем и границами закрытой галактики. Будь его возможности в прежней силе, он не отходил бы от галактики ни на шаг и, быть может, уже сломил бы дух Антареса, пробравшись внутрь. Но теперь, слабея значительно быстрее, чем он предполагал, Владыка опасался надолго оставлять чёрную дыру без рулевого.

Слабость! Жалкое, неопределённое состояние тревожило Кочевника. Конечно, он понимал, что не сумеет уйти от аномальности своего существования, но он и не думал, что всё завертится столь быстро. Будучи Архонтом, Владыка, как и его собратья, был посвящён в реалии их мироздания. Умиряющего мироздания. И он вовсе не собирался умирать ни раньше него, ни вместе с ним.

Ему нужен этот осколок! Эти знания! Страшно подумать, но они нужны ему уже вчера!

Форсирование деформаций и изменений основ мироздания дрожью слабости отражалось на состоянии Архонта. Гниение Вселенных отравляло и самого Владыку, что было парадоксально, ведь сам он, поболее других приложил стараний в закваске этого гниения. Каждое его действие, будь то отказ от изначальных обязанностей, разрушение и порабощение или империалистические взгляды на миры, порождало вибрацию результатов, и, в конечном итоге, суммарно вылилось в ускорившийся финал для несовершенного зодчества Создателей. Мироздание доживало свой срок, ожидая обещанного спасения. Но это спасение как никогда было необходимо самому Кочевнику. Теперь он полагался только на оставленные Создателями знания и их скорое применение. Во что бы то ни стало ему необходимо найти способ, как искоренить своё загнивание, обратить саморазрушение вспять, излечиться и навсегда отделаться от этой заразы, коей пышут Вселенные.

Пока он ещё достаточно силён, чтобы не растерять накопленную за всю жизнь энергию его вместилища, у него будет возможность применить столь нужные ему познания. Кочевник не сомневался в себе. Тщеславие тут ни при чём, он знал наверняка — ни одно существо и близко не дотягивалось к нему в мерках власти. Быть может, силой и гибкостью разума он уже сравнился с Создателями. В таком случае, воплотить в действие оставленные ими знания для него не составит труда. Он не только сохранит власть, сохранит энергию, но и сумеет покинуть пределы доступных ему измерений, сбежать из полуживого мироздания.

Раздумья о последнем вновь окатило Владыку предвкушением будущих деяний. Естественно, он уйдёт. Исхоженные больные Вселенные более не прельщали Кочевника. Но ведь не обязательно уходить без громогласного торжества!

Воображение Архонта детально обрисовало ему прощальные похождения. Мысли его преобразились распалённым огнём, присущим только неопытной, мало повидавшей, страстной юности. Ах, он выжжет всё, до чего дотянется, рассеет пепел, испьёт каждую душу своего пленника, пока не вырвет из них последней нити энергии. И вот тогда, насытившись в край и отринув от себя ненадобный горб чёрной дыры, он, освободившись, соизволит закрыть за собой дверь!..

Приятные грёзы помогали Владыке волочить огромное, неудобное вместилище и подгонять самого себя, а настроение его оставалось почти безоблачным. Погружённый в раздумья, он не сразу отметил чей-то робкий, писклявый, полный страха призыв. Заметив, что его отвлекли, Кочевник едва не прибил того, кто посмел тревожить своего Владыку, но, прислушавшись, медленно ослабил хватку разума.

Призыв шёл из границ закрытой галактики и принадлежал третьесортному существу, поставленному Кочевником над всеми примитивными войсками его рабов. Этот полуживой от страха генерал, некогда одаренный лаской Владыки и малой порцией его возможностей, преступая ужас смерти, осмелился внеурочно призвать своего повелителя, назойливо вплетаясь в мысли Архонта. За подобное, отличаясь вспыльчивым нравом, Кочевник нередко стирал провинившегося в порошок, но на этот раз генерал успел передать несколько внятных мыслей до того, как Кочевник решил, что с ним сделать. К его везению, гнев повелителя быстро охладел, стоило тому вникнуть в смысл послания. Отделавшись нехилым испугом, генерал, не дыша, оборвал телепатическую связь, оставив Владыку в раздумьях.

Практически в ту же секунду, что также уберегло бестактного раба, в мысли Кочевника вторгся ещё один призыв. На сей раз исходил он от собеседника равного по эволюции, но значительно слабее самого Кочевника. Этого гостя Владыка выслушивал даже с неким налётом дружелюбия, но результат обоих коротких новостей его не порадовал. Если объединить услышанное вместе, из всего следовало, что ему не стоит так уж торопиться к галактике Антареса, напротив. Его дублёры не справлялись в срок, тормозя тем самым и своего Владыку. Одни всё ещё не могли пробиться вовнутрь галактики, другие, из-за первого, не могли ускорить иные, связанные с этим события.

Неохотно, Тёмный Кочевник резко сбавил движение чёрной дыры, заставляя массивное вместилище практически встать на дыбы. Когда скорость упала вдвое, Владыка выровнял курс. Раздражение и гнев новой порцией обдали паром мысли Архонта. Поискав, на ком выместить злобу, Кочевник изрядно встряхнул первый попавшийся на глаза подвластный ему фрагмент мира. От нанесённых травм мир покрылся болью живущих в нём рабов, что еще больше сказалось на деформации чёрной дыры. Критическое сжатие в некоторых местах чуть не привело к выбросам, отчего Кочевник оставил в покое недомученных жертв своего мимолётного гнева.

Утомившись, Архонт придиричиво осмотрел своё вместилище, отметив несколько новых ухудшений и их прогрессию. Невероятно массивный, забитый под горлышко объект распирало от энергии и скопившегося внутри хлама миров. Кочующая чёрная дыра приближалась к апогею своего развития, к своей смертной развязке истории, и до вершины гибели оставалось уже немного. Естественный ход её эволюции, ускоренный мутацией и вмешательством Кочевника, приближался с каждым днём, и Владыка не мог себе позволить ещё и приумножать этот губительный для него бег. На какое-то время ему придётся отказаться не только от привычного мародёрства во Вселенных, но и оставить в покое Вселенные внутри себя. Тревожить обрывки миров — всё равно что разрезать швы чёрной дыры, провоцируя её нестабильность. Вот если бы частично облегчить свою ношу...

Архонт опять осмотрелся. Его разум свободно пустился на прогулку вдоль застывших фрагментов порабощённых им систем, галактик, иных структур, осязаемых, трёхмерных или невидимых, существующих в других планах и рамках. Каждое из этих приобретений, а именно — существа, населяющие их, по-своему были дорогоу Кочевнику, ведь все они являлись уникальными, а в большей степени — спесивыми, высокомерными и тщеславными.

Данные качества Архонт презирал, однако, призывал их за собой, но никак не мог простить кому-либо ещё, в особенности, когда считал, если этот кто-то их не оправдывает. Нередко, именно поэтому его так манили высокомерные, взлетевшие выше положенного им предела расы, достигшие в развитии вершин, но непоправимо отставшие духовно. Посему, чрево чёрной дыры преимущественно занимали обычные трёхмерные огрызки, где продолжали существовать виды наподобие адайцев. Правда, не они составляли основной живой энергетический вес кочующего монстра. Такие отбросы хоть и потешали Владыку, его главным богатством были и оставались более развитые существа, принадлежащие к высшим расам, и именно их заключённая и подчинённая в угоду Кочевнику энергия так коробила вместилище Архонта.

По сути, чтобы ослабить и ненадолго замедлить деформацию своего вместилища, Кочевнику было достаточно высвободить чистую силу высших обитателей Вселенных, другими словами, отпустить часть рабов. Но с ними он лишился бы и их энергии. А к ней Владыка привык как к самому себе. Так что, мысль проявить гуманизм отпала практически сразу. Что тут поделывать, слепая жадность и безрассудность были не последними чертами характера Архонта. Оттого, отринув рациональное решение, Тёмный Кочевник решил доиграть заранее придуманную мелодию.

Существовало несколько способов вернуться к изначальному плану и открыть путь в галактику Антареса. Первый — привести в его Вселенную своё вместилище. Приближение массивной чёрной дыры ослабит кого угодно, но этот вариант не годился для Кочевника. Ведь, по его изначальному замыслу, ко времени его прихода система Красной Звезды уже должна быть покорена или хотя бы существенно потрепана. На то у Владыки имелись особые причины.

Другой вариант — пробить отверстие в энергетической мембране вокруг галактики. Небольшой, незаживающий подобно язве, проход, которого хватило бы для армад. Сам Архонт также пока не мог этого сделать из-за всё той же удалённости дыры от галактики. Но это могли сделать некоторые его рабы, в особенности, свободные, не скованные его цепями. Вряд ли можно представить подобных невольников, которые, получив свободу, всё равно станут выполнять приказ. Здесь нужно быть либо преданным, чего Кочевник, конечно же, не ждал, либо... кровожадно тупыми, настолько кровожадными, и настолько тупыми, чтобы даже не заметить своей, свалившейся на голову, свободы. И последние уже давно имелись в распоряжении Архонта.

Разум Владыки продолжал блуждать внутри чёрной дыры. Постепенно он привёл его к окраинам одного из захваченных им фрагментов. На первый взгляд он не отличался ничем от других трофеев, вот только находился будто на отшибе, и остальные соседствующие с ним структуры словно держались от него подальше.

Ещё кое-что отличало этот порабощённый мир от других — его мрак и старость. Он был чуть ли не первым трофеем Кочевника, захваченным им так давно, что сотни Вселенных сменились на том месте, где некогда существовал этот мир. И, как старость и мрак влияли на внешний вид фрагмента, так же они отравляли тех, кому не посчастливилось в нём обитать. За долгие мучительные годы неволи яркая жизнь, что некогда здесь процветала, преобразилась до неузнаваемости. Сущности рабов срослись воедино, мутировали, лишившись различий и превратившись из тысяч особей во всего несколько энергетических существ. Они-то и отпугивали соседние миры. И не только страх перед переродками заставлял остальных рабов обходить этот мрак стороной. Возросшая сила единых организмов

вкупе с регрессивными чувствами, скатившимся к первобытным, делала их идеальными убийцами как примитивных существ, так и представителей высших рас. И не было для мутантов ничего слаще, чем поживиться энергией чужой души, впитать в себя другую сущность, переварить её, пока эта душа не займёт своё место в огромном энергетическом теле переродков. Такая участь была хуже смерти, ведь все, кому не повезло попасть в сети мутантов, по сути, становились ими навеки.

В отношении Кочевника сей выводок являлся чем-то вроде паразитов, подчиняющихся ему, но, в то же время, ворующих с хозяйского стола его же энергию. Однако Владыка терпел мутантов. Как оказалось, эти изувеченные, отупевшие существа были не последним способом в усмирении и наказании рабов, как и не последним способом повеселить своего господина. И, коль их прожорливость не имела границ, а голод скрипел пустотой давно неудовлетворённых желудков, лучших кандидатов поправить свои дела Кочевник не видел.

Остановившись подле мрачного мира, Архонт принял один из своих непривычных физических обликов. Тёмным взглядом он призывно заглянул вовнутрь, и мрак охотно зашевелился. Ожившее движение вырисовывалось туманностями, едва освещёнными проблесками блёкло-жёлтых искр. Оно вырастало, ширилось, беспокоилось. Ненависть и вонь разлетались из его недр, обдувая Архонта сухим ветерком безысходности. Нечто, клубившееся внутри, презирало Владыку. Но это же Нечто одновременно боготворило его. И когда Тёмный Кочевник шутливо шлёпнул себя ладонью по ноге, мутанты покорно, задавив злобу, прильнули к своему повелителю подобно верным, притупившим ненависть псам.

Осматривая застывший в ожидании ком ужаса, Архонт почти что ласково улыбался уродам. От высших рас в них осталась только сила. Всё остальное, даже чистый разум, сгнило под давлением рабства. Тупые, голодные существа ждали, когда их спустят с цепей.

Тёмный Кочевник не стал медлить. Его разум с усилием проделал тоннель между ним и границами галактики Антареса. Унюхав с той стороны вкус жизни, мутанты завывали. Архонт лишь немного подтолкнул тех в проход, снимая с них аркан неволи. И с той стороны, из, казалось бы, пустого пространства, начала растекаться смертоносная мгла. Пронзительно, жадно и быстро её темнота глотала всё на своём пути. И пока она достигла защитной мембраны, препятствующей проникновению в галактику, под её наковальню попали миллионы не успевших улететь кораблей.

Видя, как одни его рабы убивают других, Кочевник только улыбнулся. Третьесортные существа не беспокоили Владыку — миллиардом меньше, миллиардом больше. У него и так было достаточно армий для вторжения, ничего страшного, если одной из них полакомятся его глупые любимчики.

Когда же мгла удовлетворила первый голод, а уцелевшие корабли разметались от неё в разные стороны, она могла свободно покинуть пределы галактики, но её нюх повёл мутантов дальше, как и надеялся Архонт, — к главному блюду.

Наткнувшись на препятствие, мгла взъерошилась искрами. И, хоть она не была способна кричать, Кочевник услышал стон, рёв и начавшееся в ней чавканье. Постепенно, в нескольких местах мгла обступила защиту галактики, покрывая её плотным туманным одеялом.

— Сожрите её! — крикнул ей в спину Кочевник.

Мутанты принялись за уничтожение чистой энергии, которой так и струилась мембрана. Через несколько часов, сообразив, что они в безопасности, на небольшом удалении от мглы начали собираться рассеянные армады захватчиков. Все понимали, что вскоре произойдёт.

Вход в галактику будет открыт, и им более не придётся безрезультатно расходовать заряды.

А на одном из командных кораблей, отирая пот, всё ещё испуганно вздыхал генерал, опасливо щурясь по сторонам. Ему оставалось ждать, ждать и радоваться. Расплата за его бестактность оказалась не высока — всего треть войск.

Скованные ледниками и камнем цитадели прошлого всё чаще манили в холодные ниши Хранителя Дильмуна. Оставаясь в Железных ущельях вместе с Эн-уру-галом, сперва он сократил свой отдых, чтобы больше времени уделять этой обречённой уединённости в забытых постройках, но потом, привыкнув к необычным прогулкам, и вовсе лишился сна. Погребённые напоминания былых эпох оставались для него отдушиной, хоть дышать внутри уцелевших замков и крепостей было невозможно. Воздух тут сменился спёртыми смертоносными газами, вырывающимися даже из глубоких недр планеты, и не походил для простых смертных на глоток освежающей жизненной влаги. Но именно эта атмосфера позволяла Хранителю действовать. Не просто продолжать бодрствовать, а и подавлять в себе разрушающие мысли сомнений, предательское уныние, страх.

Судьба его была решена. Дильмун чувствовал её прощальные шажки. Лёгкой поступью его очередная жизнь подбиралась к логическому завершению, и отличало её от предыдущих лишь одно — она действительно была последней. Это Хранитель знал наверняка. Оттого и сон не касался его ресниц, оттого и усталость отчего-то не так часто лезла в суставы и мышцы, слух хотел слышать, кожа — чувствовала прикосновения холода и ветра, как в первый раз, а глаза всё смотрели и смотрели, будто не успели насмотреться за предыдущие жизни, будто так и не увидели они того единственного, важного, для чего стоит смотреть.

Старик подробно размышлял о прожитом, о своём народе, его месте в мирах. В своих мыслях Хранитель отождествлял илимов с ещё зелёной, едва пробившейся порослью, такой несущественной для весны, но уже ослепительно насыщенной молодостью и, радующим глаз, цветом. Существование его народа во Вселенных оставалось так незаметно, как горение малюсенькой, тонкой спички. Жизни илимов протекали коротко и невзрачно на фоне седого мироздания, но эти жизни окружала сама бесконечность, и они уже были её частицей.

Думая о многом, неважное теперь казалось Дильмуну важным, бренное и суетливое — губительным. Дни относительного покоя и одиночества, не считая общества полоумного наследника и его наблюдений за галактикой, помогли Хранителю найти утерянный баланс мыслей, выравнять саму душу, сгладить бугры, оставленные переживаниями, тревогами, радостями и бедами прошлых перерождений и этой жизни. Итог был подбит. Всё сошлось, разве что, в некоторых думах Дильмун чувствовал себя обманутым, что жил, не живя — словно только присутствуя, а в некоторых — лжецом, что растрачивал годы попусту. Но всё это становилось несущественным. Последнее, что ещё связывало Хранителя с его предназначением, что удерживало его разум и душу от полного покоя и отрешённости принятой судьбы — Эн-уру-гал.

Состояние наследника улучшалось медленно. Приближение Тёмного Кочевника, той родственной силы, что и так была в парне, усиливало сопротивляемость черноты внутри Эн-уру-гала. Каждая победа над её сгустками приравнивалась к маленькой мучительной смерти. Но, благодаря вниманию и терпению Дильмуна, Эн-уру-гал двигался к выздоровлению. Приступы сократились до одного-двух в день, сознание уверенно возвращалось и держалось порой часами, парень начинал приходить в себя.

Сегодняшний день стал для наследника особенно хорошим. Ему удалось выспаться, удалось поесть и не выbleвать всё обратно, удалось самому спуститься на несколько пролётов вниз и уговорить Дильмуна взять его в одну из крепостей. Поначалу старик не

соглашался, ссылаясь на измученный вид парня, но, замечая, что в том действительно пробуждается интерес, а в зрачках поселился свет, вытесняя неосмысленность темноты, он пришёл к выводу, что подобные прогулки станут полезными и для Эн-уру-гала.

Приведя наследника в полюбившийся чертог старой крепости и незаметно для парня позволив тому не умереть от скисшего воздуха, Хранитель немного осветил помещения. Сам он не нуждался ни в дыхании, ни в свете, но, теряя силу Тёмного Кочевника, Эн-уру-гал терял и многие приобретённые с ней способности. Пробежит ещё немало дней, прежде чем он сумеет восстановить их уже с помощью своей, а не чужой энергии. Покинутые же чертоги были достойны того, чтобы их видели. И, похоже, прогулка в них действительно положительно сказалась на больном, замедлив приход нового приступа и уняв ненадолго боли в теле и голове. Когда же лихорадка и судороги вновь поглотили парня, Хранитель телепортировал себя и Эн-уру-гала обратно.

Привязав его мыслью и ремнями, он остался подле. Теперь, на последних стадиях излечения Дильмун мало в чём помогал наследнику. Дальше, вплоть до полного выздоровления, с тьмой внутри себя ему придётся бороться практически в одиночку, но Хранитель не покидал его в минуты страшной агонии. На сей раз приступ продлился гораздо меньше — не дольше часа, после чего парень потерял сознание. Залечив его раны, Дильмун задумался, засмотревшись на застывшее, белёсое лицо парня. В его мимике появилось какое-то странное, почти что отцовское чувство, то, что светится в лице родителей, возлагающих надежды и веру на своих чад.

Эн-уру-гал стал ему дорог. Он не был частью или продолжением его самого, но, ещё за десятки жизней до встречи с ним, Дильмун, никогда не имевший своих детей, неосознанно уже любил и искал этого парня. Для чего? Как и зачем? Что толкало его? Тогда Хранитель не мог дать ответ. Да и сейчас не хотел произносить это вслух. Но его встреча с последним наследником Империи не была случайной. Многие события вели к ней, и многие последствия будут заложены после. Именно рассуждения об этом в большинстве своём и помогли Дильмуну найти смирение и принять свою Судьбу, ибо рассуждения были полны надежды.

Страх, давивший душу Хранителя с самого известия о закате его эпохи, его расы, сменился покорностью. Не в его власти было предотвратить гибель Республики, и Дильмун это принял. Все, что ему хотелось — провести остаток тихих дней с Эн-уру-галом и Железным ущельем с его похороненными строениями и историями. Но, к сожалению, ещё один долг отвлекал его от умиротворения — наблюдение за галактикой. Как и в предыдущие дни, так и сегодня Дильмун честно выполнял обещание, данное Илтим-Кали, — блюсти невидимые кордоны и отправлять ей сообщения о каждом новом продвижении противника. Это дело всё больше не нравилось Хранителю. Оно заставляло его вновь ввязываться в брэнное, сопереживать, чувствовать обречённость и отчаянье, от которых он практически избавился. Наблюдение возвращало его к действительности, а старику так хотелось доживать свой век в иллюзиях.

Однако, несмотря на недовольство, он старательно уделял несколько часов изучению окраин галактики. Совесть его пыталась договориться с разумом и заставить хоть на день отступить от обязанностей, но Дильмун быстро приструнил внутренние недовольные монологи. Всё ещё оставаясь подле спящего наследника, Хранитель медленно обратился в сплошное чувство, отключая всё ненужное и погружаясь в глубокий транс. Тело старика застыло вытянутой, покачивающейся струной, а разум уже был далеко. Быстрее любых

скоростей он оказался в выбранном месте, показывая Хранителю те участки, которые его интересовали.

Всего таких мест было четыре, и все они находились в западной части галактики. Каждое представляло собой сосредоточение войск и каждое, без остановки, пузырилось всплесками взрывов, что порождались попытками войск пробиться через мембрану границы. Успехов это практически не приносило — мембрана молниеносно восстанавливалась, а те жалкие крохи успевающих прорваться в бреши кораблей встречали отосланные туда дежурившие заставы Республики, и единственным, что постепенно делало преграду тоньше и слабее, оставалось приближение чёрной дыры. При таком раскладе Хранитель полагал, что мембрана должна выстоять до самого прихода Тёмного Кочевника, когда естественная энергия галактики уступит превосходящей её во много раз энергии монолитной чёрной дыры. И в этом свете попытки захватчиков прорваться вовнутрь казались для него смехотворными и лишёнными смысла. Так Дильмун полагал и сегодня, привычно охватывая взором каждый участок и не отмечая на нем существенных изменений. Но когда его мысли дотянулись к третьему участку, Хранитель замер. Вслед за его затихшими мыслями далеко за миллионы световых лет от границ галактики замерло и его слегка покачивающееся тело, а в каменной позе прорезалось неподкупное недоверие.

Сперва Дильмун ничего не понял. Участок пестрил ярче остальных и разросся по сравнению с другими в три с лишним раза. Контуры всплесков поменяли оттенок и добавили в палитру неестественно яркие, болезненные даже для внутреннего зрения искры. Однако на этом отличия заканчивались.

Желая рассмотреть лучше, Хранитель беспечно отпустил свой разум дальше, подбираясь ближе к эпицентрам вспышек. Мыслеформы старика беспрепятственно приближались к участку, но предчувствие чего-то неправильного заставило Хранителя остановиться. Ещё не додумав до конца проскользнувшую догадку, он призвал разум обратно. Далёкое отсюда тело старика, как и его сущность, начало мелко трясти, душа сжалась в предчувствии грядущего события, кожа быстро побледнела, стянулась сухостью, вся его энергия уходила сейчас в мысли, но, вопреки его призыву, разум остался неподвижен. Практически сразу Дильмун понял, что его крепко и незаметно для него самого удерживают, но лишь когда что-то огромное вцепилось в него сотнями иллюзорных клинков инородной энергии, Хранитель молча взвыл. Боль отрезвила и придала решительности. Перенаправив силы, Дильмун ринулся из губительного места, медленно разрывая паутину ловушки. Лишь отведя разум на прежнее удаление, он позволил себе осмотреться.

Травма оказалась серьёзной — большая часть его внутренней энергии была уничтожена — словно оторвана от него, и не подлежала восстановлению. Второй такой укус стоил бы его примитивной душе бессмертия. Измотанный, враз потускневший Хранитель ослепшим взором пытался различить во вспышках того, кто только что чуть было не убил его. Паника и шок от всесторонней боли не давали ему сосредоточиться, отчего лишь через несколько опасных минут Дильмун не просто увидел этих существ, но и понял, что видит.

Необычные сильные твари, сочетающие в себе куски разных, изменивших подноготную душ и сростки одичалых умов вгрызались в мембрану, впитывая в себя её энергию. Их трапеза, судя по состоянию мембраны, началась недавно, но и этого хватило, чтобы преграда усеялась дырками, как решето. Пока что отверстия этого решета не превышали размеров атомов, но Хранитель моментально просчитал их прожорливость, и, что являлось самым главным — повреждённая мембрана более не срасталась в нераздельное полотно.

Запомнив увиденное, Хранитель вернул разум обратно. Очнувшись в холодной башне, он сразу же повалился на пол. Тело его покрылось струпьями разложений, органы практически отказали, сердце едва билось, настолько обильной была потеря энергии. Однако, позабыв обо всём, оставив себя без помощи, он тут же опять принялся растрчивать силы.

Скорее по привычке, нежели осознанно, его испуганные мысли переплелись в прочный ком, образуя сбитое из рваных образов и страхов послание. Соединив наспех собранные обрывки увиденного, Дильмун непослушным разумом оттолкнул его прочь. То, как послание вцепилось и быстро, подобно молниеносной мысли, потянулось вдоль невидимых связующих нитей между солнцем и его хозяйкой, старик уже не заметил.

Его, как и лежащего рядом наследника, забрал к себе обморок.

Звёзды пылали и превращались в холодный, зыбкий пепел в руках Энлиля. Воскрешённые или слепленные из мусора, изменившие параметры, свойства, в управляемом танце эти небесные тела слушались каждого движения наёмника, каждой его прихоти. Подобное занятие утомляло, но Энлиль не обращал внимания на протесты разума. Его завораживало это действие, это непрерывное и такое правильное течение: энергия перевоплощала собранный им и Энки космический мусор, энергия давала ему загораться и так же беспощадно обрекала на моментальное угасание.

Понимание взаимодействий Созидания и Разрушения позволило обоим друзьям ощутить свои силы и возможности, то, как их применять. На примере возни с отбросами галактики Энлиль и Энки научились главным основам управления материей-энергией. Осязаемый мир открылся для них во всех его слоях и, что самое главное, друзья ощутили в себе уверенность.

Из собранных отходов галактики наёмники изначально слепили несколько небольших звёзд, потом, вернув мусор к первоначальному состоянию, они соединили его в неестественную инородную звезду, имеющую сразу семь ядер и не просуществовавшую бы в иных условиях и секунды. Взорвав её, наёмники преобразовали свой эксперимент в чёрную дыру с аномальной сингулярностью и, заигравшись, задели нею границы ближайших миров, разворотив сразу несколько проходов в другие Вселенные.

Находившийся с ними Антарес вовремя подчинил разбушевавшуюся дыру, опять вернув всё к мусору, но теперь его оказалось значительно меньше: многое выбросило в другие миры. Энлиль и Энки уже было последовали по оставленным следам энергии, однако Владыка галактики их приструнил.

— Не доросли вы ещё по мирам бегать, — задержал он парней.

Вместо загадочного и явно увлекательного путешествия он вновь заставил их проделывать уже понятные для них и успевшие приестся действия.

— К примеру, вам необходимо уничтожить вон ту комету, а под кометой мы можем подразумевать и врага, — тем временем продолжал поучать их Антарес.

Без особого желанья, оставив небесные тела, наёмники обратили внимание на выбранный объект. Комета находилась в миллионе световых лет от них, двигаясь по спирали вокруг красного гиганта.

— Так как вы поступите? — поинтересовался он.

— Столкнём её с другой кометой или же столкнём врагов друг с другом.

— Украдём энергию звезды и поместим её внутрь кометы. Это её разорвёт...

— Нехорошо воровать у своих, — быстро заметил Антарес.

— Украдём в крайнем случае.

— Ладно...

— Телепортируем её туда, где условия сами уничтожат комету.

— Проникнем в неё мыслями, раскрошим...

— Вот это мне нравится больше, — заметил Антарес. — Если враг слабее вас, лучше всего обходиться мыслями, подчинять несколько примитивных или один сильный разум в его строю и заставлять его действовать против своих же. Всё зависит от того, с кем именно вы столкнётесь.

Ну, давайте...

В одобрение его словам, далёкая комета внезапно исчезла, превращаясь в осколки.

— Неплохо, неплохо, — похвалил парней Владыка галактики. — А вот так же с красным гигантом.

Друзья впились разумом в огромную звезду, вокруг которой ещё недавно совершала свой полёт комета. Солнце моментально пошло пятнами. Дуги коронарных выбросов враз покрыли поверхность титана, но за мгновение до взрыва Энлиль и Энки отступили.

— Не выйдет, — сказал Энлиль.

— Нет, потому что силёнок маловато? — уточнил Антарес.

— Это не мёртвый хлам, — без обид ответил Энлиль. — И ему больно.

— Хорошо, — спокойно ответил Владыка галактики. — Я бы остановил вас, но хорошо, что вы остановились сами. Одно дело — стряпать галактический мусор в звёзды, зажигать их и взрывать. В них нет жизни. Истинной жизни, и существовать они будут ровно столько, сколько вы тратите на них свою энергию. Другое дело — разрушать чью-то обитель, кромсать чужие души. Это касается не только невольных высших рас, таких, к коим принадлежим я или Кали. Вынося приговор, будь то примитивное разумное существо или представитель высшей расы, вы должны убедиться, что приговор заслужен. Это понятно?

Дождавшись согласия, Антарес кивнул.

— Впрочем, столкнуться вам придётся, прежде всего, с высшими расами. И мой совет — применяйте свои познания именно против них, не ввязывайтесь в баталии армад — они лишь довесок к главенствующим воинам Тёмного Кочевника. Ваша же задача — задержать тех, кого невозможно увидеть, нельзя остановить и убить известными способами. Если эти существа прорвутся внутрь Республики, никакая армия с ними не совладеет. А вас будет только двое.

— Ты с нами не останешься?

Владыка галактики, извиняясь, пожал плечами.

— Хотел бы, да нет, — искренне ответил он. — Как только вторжение Кочевника станет неминуемым, я должен буду увести из галактики всех свободных представителей высших рас.

— Что станет с теми, кто уйти не сможет?

Энлиль обернулся.

— За видимыми и невидимыми структурами галактики кто-то стоит. Что будет с ними? — повторил свой вопрос он.

Антарес огляделся вместе с ним. Его галактика не относилась к гигантским, но и маленькой её нельзя было назвать. Только видимых следов высшей жизни в ней насчитывалось более триллиона. Ещё миллиардов триста были скрыты в разных слоях мира, практически двести миллиардов находились между трёхмерным и другими способами существования, и все они, так или иначе, были привязаны к своим вместилищам. Однако плотность расположения, вопреки такому большому числу, оставалась разреженной, и

сближение с вместилищем Тёмного Кочевника практически не угрожало невольным обитателям галактики. Но, в случае проникновения чёрной дыры в их мир, эта угроза резко возрастала до катастрофы.

— Если Кали не найдёт решения, и чёрная дыра провалится в нашу Вселенную — галактики больше не станет, — помолчав, честно ответил Антарес.

Энлиль переглянулся с другом.

— Я не знаю, что именно он планирует сделать, — продолжал Антарес. — Поглотить галактику, как фрагмент, или просто перемолотить в пыль, но одно предположу точно — она будет обречена. И в этом случае я разрешаю себе надеяться, что Кочевник просто разнесёт тут всё в хлам без порабощений и своих излюбленных садистских методов. А, вообще, зря я надеюсь, — неутешительно подытожил он.

Владыка галактики только безысходно пожал плечами. По его виду парни догадались, что тот не возлагает особых чаяний на успех Кали, но ещё сдерживается, не показывая реальных масштабов своих переживаний. Эта скованность и тоска проявлялись в наставнике, в его участвующем сарказме в сторону своих учеников, сменяющемся неожиданными практически дружескими беседами. И в такие мгновения Энлиль и Энки особенно сопереживали Владыке галактики, стараясь понять, что может твориться у него на душе.

Разговоры о судьбе его дома вводили Антареса в меланхоличное настроение или напротив, заставляли злиться. Завидев в нём первые признаки быстрой смены настроения, Энлиль попытался отвлечь учителя, сменив тему.

— Так, как попасть выше? — ни к месту спросил он.

Вопрос прозвучал странно, но погружённый в свои раздумья Владыка галактики понял его значение. Уловка командира сработала, и Антарес слегка высокомерно посмеялся.

— Настырность — признак молодости. Впрочем, как и неугомонная глупость, — улыбаясь, произнёс он. — Рано вам ещё через измерения бегать.

Интерес парней к другим мирам рос пропорционально от количества осознанных знаний в их умах, и оба уже неделю чуть ли не ежеминутно клянчили у Антареса возможность осуществить всё на практике. Но их ментор явно не желал перегибать палку, мотивируя отказ тем, что умение переходить через измерения из одного мира в другой или из одного клубка миров в другие структуры в бою им не понадобится, оттого что занятие это крайне энергозатратное, требует концентрации и практики, которую друзьям брать было неоткуда.

— Но мы уже это делаем. Немного, конечно, и неосознанно, — возразил Энлиль.

— То, что вы, к примеру, телепортируясь, огибаете путь через вышестоящее измерение, не одно и то же, в сравнении с прогулкой в этом измерении, через все его мосты и закоулки, — ответил Антарес. — Да и нет у меня желания водить вас там, чего доброго, вы забредёте в параллельные миры прошлого или ещё не произошедшего будущего и такого там посмотрите, что опять впадёте в панику.

— В панику мы впадём, если ты нам ничего не покажешь, — возразил Энки.

Владыка галактики хмыкнул, понимая, что его втягивают в навязанный разговор. Но, всё же, ответил.

— Давайте лучше я вам для начала набросаю примерную модель нашего мироздания. Это не одно и то же, что путешествовать в нём, но реалистичность вам понравится.

Не успев договорить, Антарес преобразовал пространство вокруг них. Втроем они оказались в искусственной, незаполненной ничем темноте, пустой и безграничной. Но

таковой она оставалась недолго. Большая точка света обрисовалась в ней. Указав на неё, Владыка галактики молвил:

— Представьте себе, что это уменьшенная копия нашей Вселенной в обычном трёхмерном восприятии. Таковой её осознают и видят простейшие умы и примитивные формы жизни.

Дальше светящаяся точка начала делиться подобно клетке, образуя бесконечное число таких же светящихся и пузырьчатых, связанных друг с другом точек.

— Так выглядит Вселенная для меня, для высших рас, а, когда научитесь смотреть, будет выглядеть и для вас, — продолжил Антарес. — Через призму моего разума Вселенная мультивариантна, и представляет собой уже не трёхмерную замкнутую модель, а огромную структуру с множеством слоёв и ответвлений, и каждая точка — это отдельный сценарий одной и той же Вселенной: все возможные сценарии всех возможных участников прошлого и ещё не состоявшегося будущего — абсолют в одном невероятно длинном отрезке. В нём найдёшь всё: от момента зарождения нашего мира и до последнего удара его сердца. Впрочем, не всё на этом отрезке будет истинно.

— Возьмём, скажем, вот эту точку, — Антарес выбрал ориентир и развернул его перед наёмниками кадром фильма.

В застывшем изображении перед ними предстал момент из давнего прошлого его галактики, когда на её месте находилось только огромное раскалённое газово-пылевое облако, светящееся первыми огнями расхозяйничавшейся внутри энергии.

Затем он открыл ещё одну точку рядом с предыдущей, и в кадре находилась уже возникшая галактика, но она отличалась формой от истинной галактики Антареса.

— Галактика другая, — заметил Энки.

— Не другая, а альтернативная относительно той, которая существует в моей реальности, — пояснил Антарес. — Первый фрагмент относится к реальному прошлому моей галактики, второй — к её альтернативному прошлому, тому, которое бы воплотилось в реальность, если бы я когда-то принял другое решение или совершил другой поступок.

— Значит, все наши помыслы живут своей жизнью? — поинтересовался Энлиль.

— Жизнью я бы это не назвал, — ответил Антарес. — Они просто записаны в памяти прошлого и будущего Вселенной, а представители высших рас, но, замечу, далеко не многие, умеют эту память читать, впрочем, влиять на неё никому не дано, что является одной из многочисленных коррозий нашего мироздания. Однако, это не отменяет пользы от того, что ты можешь просто наблюдать, изучать подлинное и не состоявшееся прошлое или пересматривать бесконечные варианты будущего.

— В этих вариантах существует будущее твоей галактики? — опередив замечание Антареса, быстро спросил Энлиль.

Антарес нахмурился, понимая, к чему он клонит.

— Существует, — коротко ответил он. — Но я ведь говорил — вариантов бесконечно много. По сути, что такое будущее? Это результат взаимодействий бесконечного числа факторов и даже самое ничтожное вмешательство самого ничтожного слизняка способно кардинально менять его сценарии. Предвидеть будущее практически нереально, потому что нереально знать и учесть все эти факторы. По крайней мере, я не слышал ни об одном существе, ни об одном создании, которое бы могло держать в своём разуме все варианты хотя бы своего будущего, не говоря уже о таком масштабе, как галактика.

Антарес протестующе поднял руки.

— Блуждание в сценариях Вселенной нам не поможет, — утвердительно произнёс он. — К тому же, наиболее развитые расы высших обитателей миров могут похвастаться способностями прятать своё прошлое или будущее, и к ним, несомненно, относится Тёмный Кочевник. Сколько бы энергии мы не потратили, сомневаюсь, что нам удастся найти что-то стоящее. Этот Архонт умело замечает свои следы, так что, давайте не отвлекаться.

Наёмники вернулись к застывшей в пустоте пузырчатой структуре, которой, по словам Антареса, являлась их Вселенная.

— Итак, именно подобным образом выглядит наш дом. Но он не единственный в мироздании.

Вокруг их пузырчатой Вселенной появились другие, связанные с ней, структуры.

— Теперь мы переходим ещё выше — к кластерам из Вселенных.

Антарес наглядно собрал все Вселенные воедино.

— Так выглядит кластер миров — совокупность родственных, но отличающихся от себя Вселенных, где различия могут быть столь минимальны, что и не заметить или же, наоборот, быть кардинальными, но всё равно, родственными.

Путешествовать в нём уже не такая лёгкая задача и для меня. Любой отдельный мир, отличающийся от привычной среды обитания, в моем случае — нашей мультивариантной Вселенной, является неприветливым и опасным местом для всех, кто там не рождён. Но это не значит, что я никогда не закахивал в такие миры раньше, когда ещё не был связан с галактикой.

Лицо Антареса приятно оживилось от воспоминаний.

— Когда-то это было наше излюбленное занятие, — размашисто заговорил он. — Я, Кали, мои друзья, мы жили в дороге, и кластер этих миров исходили вдоль и поперёк. В некоторых из них я перерождался, а новая Вселенная также на очередную жизнь становилась мне домом.

Перерождения всех нас разбросало, — уже спокойнее продолжил он.

— Хорошие были жизни.

Владыка галактик замолчал, сообразив, что и так отвлёкся.

— В общем, выше этих кластеров мы выбирались только несколько раз, — посерьёзнев, продолжил он.

Светящиеся структуры миров на его тёмном холсте вновь стянулись воедино.

— Далее, выше, будут стоять ещё более необхватные мегаструктуры — кластеры кластеров миров и так далее, пока не упрусь в границы мироздания — предела, за который не выйти...

Антарес скомкано закончил изначально подробный рассказ, потеряв к нему интерес.

— Миров разгуляться хватит всем, как видите. Никуда они от вас не денутся. Думайте о своём доме и не рвитесь пока в чужие, — добавил он.

Оборвав надоевший разговор, Владыка галактики развеял мираж пустоты вокруг. Жестом он указал наёмникам куда-то вдаль, но те поняли, что учитель вновь заставляет их повторять пройденное.

— Подождите! — неожиданно крикнул он.

Антарес резко остановил парней, когда те уже были в шаге от телепортации.

— Стойте!

Ничего не объясняя, он внимательно взглянул сначала на Энки, потом на Энлиля.

— Вы это чувствуете?

Друзья попеременно взглянули друг на друга, уже собираясь ответить отрицательно, но необычное колебание матери в галактике приковало их слух. Оно было столь незначительно, что могло ускользнуть от внимания неподготовленного наблюдателя и не казалось чем-то особенным. Однако Антарес так не считал.

— Похоже, нам придётся разойтись раньше, чем я думал, — отчего-то сделал вывод он. — Следуйте за мной.

После последней фразы Владыка галактики исчез. Энлиль и Энки, ухватившись за оставленный для них след, телепортировалась за ним. Вместе их вынесло на западную границу галактики, туда, где наёмники уже не раз бывали за последние дни, иногда совершенствуя свои приобретённые в учении навыки на прорывавшихся здесь вражеских кораблях.

— Видите эту мглу? — указывая на тёмную площадь, спросил Антарес.

Энлиль и Энки скорее ощущали вибрации инородного и непонятного движения, чем видели то, что его провоцировало. Мгла была опасна и очень сильна.

— Мои собратья, — как-то грубо произнёс Антарес.

Наёмники удивлённо покосились на учителя, затем на мглу, стараясь рассмотреть в ней что-то живое. Им удалось определить существо, но чтобы они имели родство с Антаресом?

— Кто? Вот эти твари? — переспросил Энлиль.

— Не называй их так! — внезапно гневно крикнул Владыка галактики.

В пылу он молниеносно оставил наёмников, направившись к мгле. Энлиль и Энки остались поодаль. На расстоянии безопасного светового часа они видели, как Антарес попытался отогнать наросты из существ поверх мембраны, но те, выдержав несколько мощных энергетических ударов, напротив, с двойным усилием налетели на препятствие. Потерпев неудачу, Антарес вернулся обратно.

Тем временем мгла, неожиданно, разрослась в четверть. Заметив это, Владыка галактики досадно отвернулся.

— Мы одного происхождения, — после долгого, неопределённого молчания заговорил он. — Но общего у нас осталось немного.

— Что вы видите? — спросил он, не ожидая при этом ответа. — Станных, прожорливых существ? А я вижу переродков, которые когда-то были моими братьями. Проклятый Архонт...

Голос Антареса опустился до шёпота.

Лишь успокоившись, через некоторое время он заговорил нормально.

— В этой мгле до сотни существ, — практически спокойно продолжил Владыка галактики. — А в одном существе — тысячи таких, как я — изменившихся в рабстве Кочевника, но не лишившихся силы. Надеюсь, ваши умы уже способны представить возможности подобной концентрации силы? И теперь они уничтожают энергию галактики. Заглатывают её, как пищу. Сражаться с ними бесполезно — они только спасибо скажут за ваши выбросы энергии.

— Остаётся ждать, — предположил Энки.

— Верно, — согласился Антарес. — И это уже без меня.

Владыка галактики повернулся к наёмникам.

— Не думал, что отделаюсь от вас так быстро, — без придинок заметил он.

— Мгла тупа, и это нам на пользу, — рассудительно продолжил Антарес. — Они долбятся хаотично, но всё равно вскоре прогрызут дыры. Вовнутрь галактики мгла не потечёт

— я задержу их и попытаюсь отвести в открытый космос, буду подбрасывать им жирные куски энергии. Нельзя, чтобы эти существа присосались к каким-нибудь ближайшим структурам.

— А что делать нам? — спросил Энки.

— Чему успели научиться, то и делайте, — спокойно ответил Антарес.

— Присмотритесь, — Владыка галактики указал им на армады захватчиков, рассредоточенных на отдалении от мглы. Но и без миллиардных армий эти окраины скрывали в себе силы значительно меньшие, однако куда смертоносные.

— Это порабощённые высшие расы. Они в какой-то мере, тоже переродки неволи. На ком-то рабство сказывается острее, на ком-то ещё не успело оставить глубоких отметин. Всё зависит от горечи испытаний, помноженных на время в этом рабстве, — пояснил Антарес — Но эти рабы, к сожалению, не тупы. Они — это вам не пустоголовая мгла. Им надо лишь шагнуть в галактику. По отдельности они слабее вас, и значительно. Кочевник не даст им полной свободы действий. В противном случае они от него просто сбегут. Он должен контролировать свои игрушки на любом расстоянии от себя, посему им будет доступно не более десятой части своего потенциала. Остальное останется подвластно Архонту. Но вы должны учесть, что некоторые из них, вопреки такому ущемлению власти, сохраняют умение телепортироваться. С проникновением в галактику эти твари сразу же устремятся к вашей Солнечной системе. Делайте с ними, что вам заблагорассудится.

Владыка галактики скомкано пожелал друзьям удачи. Попутно мгла заканчивала проедать одно из достаточно больших отверстий, и несколько авангардных дивизий уже совались в него. Часть из них тут же оказалась поглощена прожорливыми существами, остальная отпрянула назад.

Войска застыли в ожидании.

Когда брешь увеличилась втрое, и мгла по её краям более не бросалась на аккуратно приближившиеся суда, тоненьким звеном те мерно потекли в галактику.

Энлилль обернулся к Антаресу, но того уже не было. Их наставник предпочёл уйти без лишних сантиментов.

Выбрав самую близкую к проходу систему, друзья обосновались на дрейфующем метеорите и начали наблюдение. Армии захватчиков уже увереннее совались в горловину прохода, сбиваясь в подразделения и формируя походный строй. Заканчивая перестройку, корабли незамедлительно переходили на сверхсветовые маневры, выбирая курс на ближайшую развитую систему и не замечая, что за ними следят. Но, похоже, это замечали те, кто, напротив, не спешили переступить черту.

Лучшие рабы Кочевника всё ещё находились в стороне от прохода, ожидая неизвестно чего. Вместе с ними ожидали и наёмники.

[Купить полную версию книги](#)